

№6
Июнь 2015

РУССКИЙ КЛУБ

HAPPY INDEPENDENCE DAY!

«ЛУЧШЕ БЫ
ФОМА ЖИЛ
ВСЕГДА!»

Стр. 8

МУЗЫКА
ДЛЯ БЕСЕД

Стр. 18

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Арсен ЕРЕМЯН

Редакционная коллегия:
Вера ЦЕРЕТЕЛИ
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Донара КАНДЕЛАКИ
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
Владимир ГОЛОВИН
Инна БЕЗИРГАНОВА

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№6⁽¹¹⁶⁾
Июнь 2015

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 26 МАЯ – ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ ГРУЗИИ
- 6 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 8 «ЛУЧШЕ БЫ ФОМА ЖИЛ ВСЕГДА!»
НИНА ШАДУРИ
- 13 УЛЫБКА МЕЛЬПОМЭНЫ
НИНО ЦИТЛАНАДЗЕ
- 14 ДОРОГА, ИДУЩАЯ «БЕЗОСТАНОВОЧНО ВПЕРЕД»
АННА ФАЛИЛЕЕВА
- 18 МУЗЫКА ДЛЯ БЕСЕД
АЛЕНА ДЕНЯГА
- 22 ЛИЧНО ИЗВЕСТЕН
АРСЕН ЕРЕМЯН
- 24 «Я ТРОГАЮ СТАРЫЕ СТЕНЫ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 30 СПАСИБО ДЕДУ ЗА ПОБЕДУ!
ЛАНА АДАМЯН
- 32 КУХНЯ ПРОГРАММИРОВАНИЯ
ЯНА ИСРАЭЛЯН
- 35 ЛИТЕРАТУРНАЯ КЛАДОВАЯ ГРУЗИИ
ИРИНА КАНДЕЛАКИ
- 40 КЛУБ КИНОПУТЕШЕСТВИЙ НОДАРА ПАЛИАШВИЛИ
ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ
- 44 МАСТЕР ФОТОГРАФИИ
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
- 48 СНЫ О ПАРАДЖАНОВЕ
НИНО ЦИТЛАНАДЗЕ
- 49 ЮБИЛЕЮ ЧАЙКОВСКОГО ПОСВЯЩАЕТСЯ
- 50 ОН НАШЕЛ СВОЙ ОСТРОВ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 54 ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ И РОДНЫЕ Р.Д.ЧХЕИДЗЕ!

На обложке – 26 мая – День независимости Грузии
Фото Александра Сватикова

26 мая Грузия традиционно отметила День независимости. Театрализованные представления, выставки-продажи цветов, спортивные соревнования прошли в разных уголках страны. На проспекте Руставели министерства отчитались о проделанной работе.

от ДО

■ Роб АВАДЯЕВ

ВОЛЬТЕР XX ВЕКА

Великий французский гуманист Жан Поль Сартр родился в Париже 21 июня 1905 года и умер там же спустя 74 года. А в промежутке между этими датами он успел побывать писателем, философом, драматургом, общественным деятелем и «совестью» французской нации – так его называли современники. А еще он был атеистом, экзистенциалистом, модным литератором и популярным медийным персонажем, нобелевским лауреатом и даже символом революционного движения в своей стране – мятежные студенты, захватившие Сорбонну в 1968 году, впустили вовнутрь только его одного. Он выступал против фашизма, национализма, империализма и тоталитаризма, против подавления венгерского восстания в 1956 г. и ввода советских войск в Чехословакию в 1968-ом, поддерживал борцов за свободу Алжира и Кубы. Его убеждения в течение жизни менялись – от либерального гуманизма до радикального маоизма и увлечения революционной романтикой Че

Гевары, но всегда были неизменно «левыми». Самой высшей человеческой ценностью этот философ и писатель считал свободу. Не какую-то абстрактную свободу «духа», а свободу выбора, свободу действия. Он разработал теорию «проекта», когда человек вовсе не обречен от рождения быть кем-то, а создает себя, собирает «по частям». Сартр говорил: «Я могу» – может привести к какому-нибудь результату, а «я не могу» не приводит ни к чему». Его или любили, или ненавидели, но равнодушных не было. А когда Сартра арестовала полиция во время одного из митингов протеста, президент Шарль де Голль велел его немедленно выпустить, сказав: «во Франции Вольтеров не сажают».

АВТОР «УКРОЩЕНИЯ КНЯ»

Мало кто знает, но выдающийся русский скульптор Петр Клодт был практически самоучкой. Хотя он и родился в столичном Петербурге 5 июня 1805 года, детство провел в Сибири, где проходил службу его отец – выходец из прибалтийских немцев, барон и генерал-участник войны 1812 года. Именно там, в Омске юный Клодт и научился резьбе по дереву. Даже во время учебы в военном училище, он все свободное время создавал удивительно реалистичные фигурки лошадей. Изящные резные статуэтки стали весьма популярными, а одна даже попала в руки Великому князю Николаю Павловичу, который был большим любителем лошадей. По окончании обучения, Петру Карловичу был присвоен офицерский чин. Но интерес к военной службе у него так и не проявился – в возрасте 23 лет Клодт вышел в отставку и занялся резьбой и лепкой всерьез. Он стал вольнослушателем

Академии художеств и учеником знаменитого литейщика В.П. Екимова. Когда же появился большой правительственный заказ на создание скульптурной группы шестерки коней, впряженных в колесницу Славы, для Нарвских ворот в Петербурге, ставший царем Николай Павлович вспомнил о конной статуэтке и велел привлечь к работе автора. Так началась блистательная карьера скульптора барона Петра Клодта. Его знаменитая скульптурная группа на Аничковом мосту стала одной из визитных карточек Северной Пальмиры, а слепки с клодтовых коней украшают не одну столицу мира. Квадрига Аполлона с портика Большого театра и вовсе изображена на современной сто-рублевой купюре. Клодт также стал автором ряда памятников – баснописцу Крылову в Летнем саду, князю Владимиру с крестом в Киеве и памятника благодетелю скульптора – императору Николаю I. Эта конная статуя имеет только две точки опоры – редчайшее инженерное решение, требующее тщательных расчетов. Но у выпускника Артиллерийского училища с математикой было явно все в порядке.

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ

Первые свои стихи Твардовский сочинил в самом раннем детстве, еще не умея писать. Он родился 21 июня 1910 г. на хуторе в смоленской губернии. Его дед был артиллеристом-бомбардиром, а отец крестьянином. Но семья была грамотной – перед сном детям читали Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Некрасова. Александр еще в юности начал понемногу печататься в газетах. Стихи его, естественно, были про социализм, коллективизацию и прочие реалии советского времени. Перед войной Твардовский поступил в Литературный институт, а с 1939 стал военным корреспондентом. Его знаменитый герой Василий Теркин появился еще в Финскую войну. Мало по-

этических произведений имело такую счастливую судьбу и знало такую всенародную любовь, как «Василий Теркин». Это правдивые рассказы о войне, героизме, зарисовки фронтового быта, а герой – настоящее воплощение русского характера. Твардовскому посчастливилось создать по-настоящему запоминающийся образ и войти в русскую и мировую литературу. Но в жизни этого крупного поэта была и еще одна важнейшая страница – его руководство журналом «Новый мир». Твардовский стал литературным «крестным отцом» целого ряда выдающихся писателей – Федора Абрамова, Василя Быкова, Чингиза Айтматова, Сергея Залыгина, Александра Солженицына и многих других. Он настойчиво отстаивал их право на публикацию, мужественно защищая от нападок «высоких» партийцев и литературных «генералов». Доходил и до самих «вершителей», как всеильный Никита Хрущев. Многие ему удавалось, и это добавляло ему влиятельных врагов. Но Твардовский был бесстрашным бойцом, и сражался за каждое талантливое произведение, попавшее в его редакцию. Это, к сожалению, явно сократило его век.

«ВЕЛИКАЯ ХАРТИЯ ВОЛЬНОСТЕЙ»

Наверное английский король Иоанн Безземельный не был уж совсем бездарным монархом, но он явно не получил таланта правителя от своих блестящих родителей – Генриха II и Алиеноры Аквитанской. Он также не был великим полководцем, как его брат Ричард Львиное Сердце. Принц Джон, каким мы его помним из «Айвенго»,

был ленивым, лукавым, капризным и, главное, ненадежным. Он правил, как самодур, грабил страну и, к тому же, ухитрился потерять все английские владения на континенте. И этого ему не простил ни народ, ни строптивые бароны – запахло гражданской войной. Восставшие двинулись на Лондон, и Безземельному ничего не оставалось делать, как пойти на соглашение с мятежниками. 15 июня на солнечной лужайке у реки Темзы, неподалеку от Виндзора была подписана «Великая хартия вольностей». Этот документ заложил основы парламентской системы в Англии.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ «ЧЕРНОГО ПРИНЦА»

Великого английского полководца XIV века на самом деле звали принц Уэльский Эдуард Вудсток. «Черным принцем» – из-за цвета его вороненных доспехов – его назвали только спустя пару сотен лет. Он был сыном короля Эдуарда III и отцом короля Ричарда II, но сам так королем и не стал – умер раньше отца в возрасте 46 лет. Этот герой начала Столетней войны победил в битве при Пуатье и пленил на поле брани самого короля Франции Иоанна II. Но самый первый свой успех он отпраздновал в весьма юном возрасте – 16-летний Эдуард командовал правым флангом в сражении при Креси. В жаркий момент битвы к его отцу прибежали гонцы с просьбой о помощи сыну. На что король Эдуард усмехнулся: «Ну что вы хлопчите – мальчик прекрасно справится. Дайте же парню самому заработать себе золотые рыцарские шпоры». Его повеселили в рыцари сразу после победы прямо на поле брани.

ЩИТ НА ВРАТАХ ЦАРЬГРАДА

С самого детства каждый из нас знает, что «Вещий Олег прибил свой щит на воротах Царьграда», то есть Константинополя. Это всегда подавалось, как событие национальной гордости: вот какие крутые были наши предки. Да, древние воители были великими воинами, но кое-что в этой истории следует подправить и уточнить: во-первых, никакой не Олег, а вероятнее всего Аскольд. Олег, как воевода варяга Рюрика и регент при юном князе Игоре, правил и воевал с 882 по примерно 912 год. Во-вторых, не захватили Константинополь, а только разграбили его предместья и держали город в осаде с 15 июня по 3 августа 860 года. Руссы на двух сотнях ладей беспрепятственно вошли через пролив Босфор в Мраморное море из Черного – император Михаил III по прозвищу Пьяница в это время воевал с арабами за полтысячи верст от столицы и вернуться с войсками явно не успевал. Пришельцы воевали умело и свирепо, но штурмовать стены им было не по силам. В итоге, византийцы решили попросту откупиться – по 12 гривен на каждую пару весел. Факт остается фактом, руссы получили хороший выкуп и благополучно отчалили домой. А император получил на какое-то время мир – его посланец Кирилл приехал в Киев уже через полгода и окрестил в православие первых желающих. А как же щит? Как и арабы за двести лет до них, кстати, тоже не штурмовавшие городских стен, руссы прибили щит, как знак своего покровительства. Мол, это территория платит дань нам, посторонние не суйтесь!

«ЛУЧШЕ БЫ ФОМА ЖИЛ ВСЕГДА!»

Евгений Каменькович

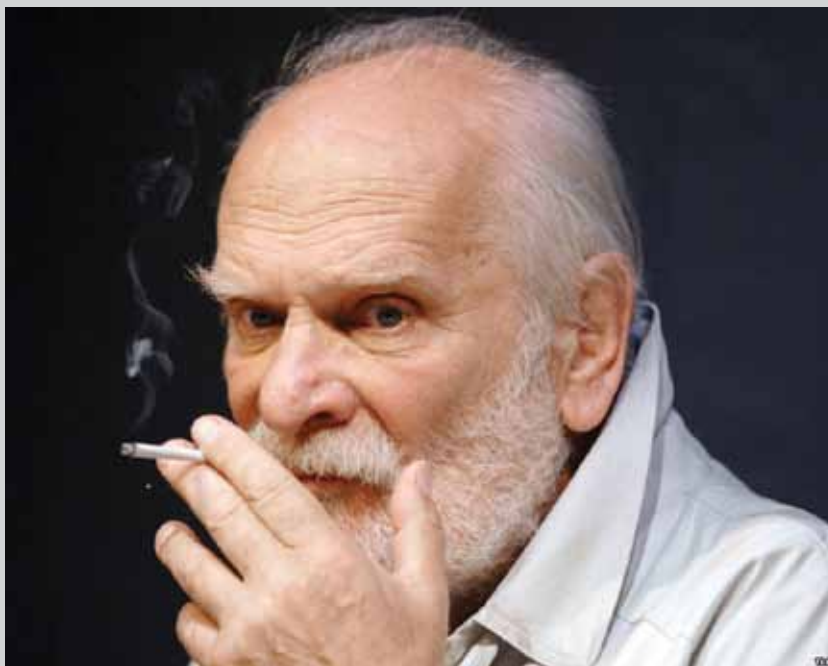
■ **НИНА ШАДУРИ**

До последнего не верилось, что это, наконец, случится. Ведь мы ждали так долго.

Случилось. «Мастерская П.Н. Фоменко» приехала в Тбилиси и в Театре имени Грибоедова показала два легендарных спектакля великого режиссера, имя которого свято для каждого грибоедовца.

Что нам, скорбящим, оставалось делать, когда три года назад Петра Наумовича не стало? Помнить. И в Грибоедовском, где он поставил два спектакля, была установлена самая первая мемориальная доска Петра Фоменко.

А потом мы ждали московских театральных новостей – кто придет после Фоменко? Хотя, конечно, все и так было ясно. И выбор не удивителен. Действительно – кто, если не он, Евгений Каменькович?

Петр Фоменко

Сотворец. «Со-» – значит, единомышленник и друг. А творец – он и есть творец. И такими словами не бросаются.

Он принял на себя эту счастливую и страшную эстафету и повел дальше театр-корабль, паруса которого наполнял когда-то вместе со своим Мастером.

Конечно, Каменькович – руководитель. На кривой козе к нему не подъехать. Но «на троне вечный был работник» – это про него. Понятно, что в театре он и академик, и плотник, и все, что понадобится для дела. Это традиция Фоменко. И, наверное, вообще отличительная черта настоящих капитанов.

«Фоменки» в Тбилиси репетировали, выступали, ездили на экскурсии, давали интервью, «погибали» под гнетом грузинских застолий. А еще – играли в футбол. Скрепя сердце, но справедливости ради скажем, что местная команда, которой бросили вызов вдохновляемые Каменьковичем «фоменки», проиграла.

– **Евгений Борисович, простите, что начинаю беседу не с театра. Что для вас футбол?**

– Для кого-то разрядкой является водка. А для меня футбол. Мне кажется, что вся гадость, которая во мне скапливается, а она обязательно за неделю скапливается, на поле исчезает. У меня есть счастливая возможность в Москве два-три раза в неделю, утром, до репетиции, играть. Два раза играю в компании с Олегом Меньшико-

вым. Я живу около Лужников, а он там арендует поле. И я ему всегда говорю, что он продлил мне жизнь. А раз в неделю на площадке около театра мы играем театром. Иногда к нам присоединяется, представьте себе, Ксения Кутепова. Полина тоже хорошо играет, но у нее нет сил вставать рано. А у Ксении маленькие дети, она провожает их в школу, и в 10 утра приезжает к нам. И Женя Цыганов, наш главный киногерой, у которого 6 детей, тоже рано встает... В общем, у нас очень весело. И важен не результат, а разрядка. Петр Наумович, пока не стал совсем тяжело болеть, тоже всегда с нами играл. Он вообще был большой мастак. Например, очень известная история. Начало 90-х. Мы только организовались. Все стали с утра до ночи сниматься. И у нас настал какой-то кризис. И вдруг Фома говорит: «Так! Все идем на каток!» Какой каток?! Все забыли, что это такое. Приходим в Парк Горького. Фома достал свои допотопные коньки, и начался цирк. Тинейджеры, которые в основном и заполняют парк, с изумлением глядели, как старичок с беломориной в зубах катается, да еще с такими финтами! Поднялся хохот. И весь наш кризис очень быстро прошел.

– **Между футболом, спортом и искусством есть что-то общее?**

– Это абсолютно разные сферы человеческой деятельности. Футбол очень опосредованно создает образы. Это тоже очень тяжело, но

мучения спортсменов совершенно другие. Футболист не может мучиться теоретически. Он должен все время тренироваться. Он не будет играть лучше от того, что много думает. А у нас... Прежде чем выбрать пьесу, ты читаешь такое количество книг! Колеблешься... Это все другое. Но вот в чем одинаковы все виды человеческой деятельности, так это в значении таланта. Я уверен – сколько ни тренируйся, если тебя боженька не поцеловал, то ничего не получится. А уж в театре – совершенно точно.

– Невозможно научить быть артистом?

– Невозможно. Исключено. Мне кажется, достаточно несложно воспитать среднего исполнителя, обезьянку, как я это называю... У нас в «Мастерской» все очень думающие. Мы все вышли из одного факультета, и это очень важно, что наши артисты учились вместе с режиссером, а следующее поколение – вместе с режиссером и сценографом. Мы стараемся выпестовать сотворцов. Соавторов. Я плохо себе представляю, что у нас на репетиции актеру можно сказать так: пройди три шага, повернись, сделай паузу, возьми за дверную ручку... Такого режиссера у нас никто слушать не будет.

– А я видала такие репетиции.

– Верю. Но у нас такие репетиции невозможны.

– Вы, педагог, профессор, сразу распознаете, кого из будущих актеров боженька поцеловал?

– Ошибки случаются. Все знают, что «Мастерская» образовалась из одного маленького курса, который набрал Фоменко, – 9 артистов, несколько режиссеров. При поступлении это был, пожалуй, самый слабый набор. Выбора никакого не было. Девочки, которых взяли – сестры Кутеповы, Галя Тюнина, все очень плохо читали. Очень. Кстати, Мадлен Джабраилову не взяли – только потому, что ее отец учился вместе с Фоменко. А Петр Наумович был крайне щепетилен в таких вещах. Вообще, все разговоры о том, что в театральный институт можно попасть по блату – глубочайшее заблуждение. Это не может быть по определению, потому что когда человек выйдет и плохо прочитает, да кто же его возьмет? Будь он сыном кого угодно. Так вот, у меня было состояние ужаса, когда всех набрали.

– То есть тогда не было видно их таланта?

– Абсолютно! Галя, которая сейчас богиня, отвратительно читала Цветаеву. А сейчас, после спектакля «Приключение» по той же Цветаевой, она лучше всех в мире читает стихи. Прошу прощения у Демидовой и у всех. Но я твердо уверен, что Галя это делает лучше. На первом же курсе они все

засверкали. Потому что мы правильно занимались. Выдающийся педагог Михаил Михайлович Буткевич передал методу Михаила Чехова – импровизационную. На нашу команду это очень легло. Я пустил в оборот фразу, и это уже штамп – «весь первый курс мы летали». Буквально. Ставили этюды по Бродскому. Как можно поставить стихотворение Бродского? А ставили. И было великолепно. Ставили «Жирафа» Гумилева. Это было невероятно радостное время. Уже после первого курса у меня лично не было сомнений, что нам грех расставаться. У Петра Наумовича, может, и были. А у меня не было. Казалось, что море по колено. Дальше начался самый сложный период в театральный институте – переход от этюдов к тексту. Может быть, наш переход так легко получился потому, что помимо того, что мы сразу же шальным, партизанским, полужутудным методом сделали «Двенадцатую ночь». Ее посетил успех, и это нас еще больше укрепило. После Шекспира подоспел Гоголь Сергея Женовача – «Владимир 3 степени». Это вообще, на мой вкус, выдающееся театральное сочинение. А сочиняли-то все вместе... Сейчас этого никто не может увидеть вживую, только на пленке. А потом подоспел Островский, «Волки и овцы» - это уже сам Фома вмешался. Это было великолепно. Фома так простроил роли! Я знаю точную формулу: Остров-

Сцена из спектакля «Волки и овцы»

Сцена из спектакля «Семейное счастье»

ский был сыгран как Тургенев. Ну, а после случилось стихотворное «Приключение», и сразу начались Польша, Франция, Италия... Это было очень нищее и голодное время, лихие конец 80-х – начало 90-х, никаких гонораров никто не получал. Но было очень счастливо. Для нас даже открывали Версальский дворец в выходной день. А потом уже случился Фолкнер Женовача. Это было – о-о-о-о! И вся театральная братия, и выдающийся критик Наталья Крымова, которую я хочу особо назвать, нас поддерживали и трубили на всех перекрестках: нельзя им расставаться. Мы играли спектакли, пытались организоваться, искали помещение, бегали по всяким выселкам, даже играли в демонстрационном зале ГУМа Оскара Уайльда! И тут нам отдали кинотеатр «Киев», и это мне вдвойне приятно – я родом из Киева. Но помещение к театру вообще никакого отношения не имело. Первый ремонт состоялся благодаря спонсорам и меценатам. Не было ни копейки государственных денег. Помогли, в том числе, Лебедев и Костин, которые сейчас возглавляют ВТБ и которые остались нашими друзьями. Потом мы устоялись, и Петр Наумович выдал золотой залп. Он подряд сделал три шедевра – «Одна абсолютно счастливая деревня», «Семейное счастье» и

«Война и мир». А ведь ему тогда было уже очень много лет... Я плохо понимаю, как это можно было сделать. Но он сделал, и спектакли получили все призы и награды, которые только есть на земле в театральном мире, они все живые и до сих пор играют. Этот золотой период случился, город Москва не устоял, и правительство Москвы построило нам красавец-театр над Москвой-рекой.

– Как сегодня театр оправдывает свое название – «Мастерская Петра Фоменко»?

– Мы ничего не стараемся оправдывать. Все получается само собой. Приведу такой пример. Я очень люблю пьесу Сорокина «Dostoevsky-trip». Несколько лет назад я подошел к нему и спросил: «Можно я поставлю вашу пьесу без мата?» Он ответил: «Пожалуйста!» Я вырезал все нехорошие слова и начал ее репетировать с молодыми артистами. Мне было очень интересно, мы ее переделали, сделали гиперинтеллектуальной. Но я смотрю – что-то происходит не то. Говорю артистам: «Ребята, ну-ка, давайте поговорим. Может быть, вы не хотите это репетировать?» Они обрадовались: «Да, да, не хотим!» – «Так чего же вы репетировали?» – «Нам было неудобно вам отказать». Вот так – у нас в театре

очень тяжело прививается чернуха. Плохо так говорить, но именно это слово правильное. Дело не в том, что мы безобидные тургеневские барышни и мальчики, нет. Но у нас есть эстетические идеалы, которые в каждом сидят очень жестко.

– В театре ведь все решает выбор репертуара?

– Конечно. У нас самая большая литературная часть в Москве, даже больше, чем во МХАТе – 4 сотрудника. Они все, плюс я, плюс моя помощница с утра до ночи ищем пьесы. Мы в курсе всей современной драматургии. Нас иногда обвиняют, что мы ставим мало современных пьес. Но как только появился Иван Вырыпаев, мы моментально схватили его пьесу, а ведь никто не рискнул ее поставить. И мы ее сделали. Более того, мы не смогли найти режиссера в России и выписали из Норвегии ученицу Женовача Сигрид Стрем Рейбо. Она звезда северной Европы, у нее все расписано на несколько лет вперед. У нее оказалось окно. За 42 репетиции она сделала спектакль. Это второе место. Был высший рекорд – Фоменко поставил спектакль «Таня-Таня» за 21 репетицию. В общем, «Мастерская Фоменко» будет таковой, какова есть, пока живы его

Теплый прием тбилисской публики

ученики. Мне так кажется.

– **Я читала, что он не любил слова «ученик».**

– Да, это так. Хотя Петр Наумович с большим лукавством к этой теме относился, с иронией. Тем не менее, мне кажется, что наша женская интеллектуальная часть (мужики у нас более беспринципны) под страхом смертной казни не позволит никакой гадости к нам проникнуть. Надеюсь, пока я жив, тоже.

– **Одна из ваших сотрудниц сказала мне такую фразу – последние годы Петр Наумович как будто вас всех готовил к тому, что его не станет, приучал к самостоятельности.**

– Да ну! Послушайте, я сто раз говорил, что никогда от него не слышал слова «нет». Ни по какому поводу. Например, мне всегда казалось, что у нас мало выразительных средств, и приводил к нему то кинозвезду, то двухметрового человека, то человека в 140 килограмм. Он всегда кивал – да, да, конечно! И ничего не происходило. Я его заваливал пьесами. Он знал, кто такие братья Пресняковы, братья Дурненковы, читал Сорокина и считал, что первые 15 минут пьесы «Dostoevsky-trip» – это самое смешное, что он читал. И опять ки-

вал – да, да, конечно! Но из современного допустил только «Мотылька» Петра Гладиллина. Из западных современных пьес у нас шла драма Брайана Фрила «Танцы на праздник урожая». Когда Петр Наумович смотрел эту вещь, всегда плакал. Это был не самый совершенный спектакль, это была прекрасная мелодрама... Самое смешное, что я потом до Брайана Фрила добрался лично. Мы с семьей поехали в Дублин встречать Новый год. А он там национальный герой, живет на берегу океана с другой стороны острова. Я за какие-то дикие деньги нанял такси, мы пересекли всю Ирландию. Он увидел меня и, помоему, очень это оценил. Мы замечательно поговорили. Я понимаю, что сейчас все ставят Макдонаха, но мой любимый драматург из иностранных – Брайан Фрил. У нас идет спектакль по его пьесе «После занавеса», и я надеюсь, что мне еще раз удастся его поставить. Мне кажется, что он ирландский Чехов.

– **Вы как-то сказали, что режиссер Анатолий Васильев – ученый в театре. Кем был Фоменко?**

– Поэт. Я это очень четко понимаю. Фома все делал через любовь к театру. Он создал свой особенный театральный мир. Безумно чтит традиции, какие-то свои ритуалы,

театральные. Ну что греха таить, у нас иногда люди запивают. Редко, но бывает. Запил один артист, я с пеной у рта требую его выгнать, расстрелять, четвертовать. А Петр Наумович – не спеши, может, у него что-то случилось... Ребята все время вспоминают – он почему-то к похоронам, уходу из жизни относился серьезнее, чем к дням рождения. Никогда не забуду – умер отец у Карена Бадалова. Боже мой, Фоменко уже очень плохо себя чувствовал, но поехал, был до конца. Жизнь ведь складывается из мелочей, правильно? Из мелочей. А театр – это передача традиций... У него абсолютно игровой театр. Мы с вами беседуем перед «Семейным счастьем» – это вообще шедевр. Он говорил, что этот спектакль сыграл для него решающую роль в выстраивании системы координат. В прошлом году на международном фестивале, за который отвечает Лев Додин, были сплошь иностранные звезды и только один русский спектакль – «Семейное счастье». Я на гастроли не ездю, у нас четкое распределение – наш великий директор Воробьев мучается на гастролях, а я в это время репетирую. Я сделал исключение для Петербурга и Тбилиси.

– **Скажете, почему?**

– Могу. В Петербург я поехал,

На выставке в фойе

потому что это было личное приглашение Додина, а в Тбилиси просто мечтал побывать и впервые использовал служебное положение. Моя мама (Ирина Молостова – главный режиссер Киевского академического театра оперы и балета им. Т.Шевченко, педагог, профессор кафедры режиссерского мастерства КГИТИ им. И.К. Карпенко-Карого) работала с художниками «Самеули» («Самеули», знаменитая группа грузинских театральных художников – Олег Кочакидзе, Александр Словинский и Юрий Чикваидзе), и мне было очень приятно, что с одним из них мы здесь встретились... В Тбилиси я нашел родного брата, человека, абсолютно похожего на Фоменко – это Габриадзе. Ну, чтобы это понять, надо знать Фоменко! Вот он большой, еле-еле разговаривает, но умнее и хитрее всех. И Габриадзе такой же – ой, мне плохо, я ничего не вижу, на глазу глаукома. Но проходит красивая женщина – раз, и все видит. Я недолго с ним общался, хвастался, что у нас идет Пиранделло, да то, да се... А он в ответ: «Да ладно, ребята, проще надо. На сцене должна быть ерунда». И называет какую-то пьесу, в духе Гольдони, где четыре пары близнецов...

– Что у вас в планах?

– В театре обычно очень четкие планы. Это абсолютно не касается нашего театра. Потому что Петр Наумович мог или вообще ничего не говорить или вываливать сто названий. У нас есть список Фомы, я это называю фоменковским завещанием, список из 40-50 пьес и названий. И понимаешь, что жизни не хватит, чтобы это все поставить. Единственное – жаль, что у нас не будет Борины Годунова...

Пресс-конференция

– Это последняя вещь, которую репетировал Фоменко...

– Там фокус в том, что в спектакле был занят весь театр, даже монтировщики... Был выписан каждый голос и звук, список исполнителей представлял собой простыню на 70 фамилий. Все пушкинисты и историки к нам приходили, было сделано несколько макетов... Я во всех интервью говорил, что Фоменко остановился из-за болезни. Ни фиги! Фоменко, когда не знал, что делать, переставал ходить на репетиции. Что-то там случилось. К сожалению. Я столько раз спрашивал Карена Бадалова (он должен был играть Годунова) – может, поставим, я как-то вам помогу? Он в ответ – нет, без Фоменко невозможно. Жаль. Но с этим надо смириться... Я назову одно название, которое у нас должно быть скоро. «Сон в летнюю ночь». Ваня Поповски ставит. Вообще, у нас был сложный сезон, три премьеры – с Полиной Агуреевой мы поставили «Гиганты горы» по Пиранделло, я – «Современную идиллию» Салтыкова-Щедрина, Евгений Цыганов по пьесе Ольги Мухиной сделал спектакль «Олимпия» – его режиссерский дебют. В «Олимпии» играет Екатерина Васильева, это ее возвращение в театр. В будущем – Вампилов.

– Что именно?

– Рассказ «Тополя». Полстраницы текста. Владимир Топцов и Юрий Буторин придумали композицию. Сам черт ногу сломит, как поставить, но я на это очень надеюсь.

– Быть худруком «Мастерской» – головная боль или счастье?

– Головная боль. Я прожил неве-

роятно счастливую жизнь, два раза учился в ГИТИСе, первый раз на актера, набрался очень много в театральном плане, что неудивительно, если тебе преподают Алексей Барташевич и Юлий Кагарлицкий. Отслужил на флоте в Севастополе, учился режиссуре в мастерской Андрея Гончарова... Когда я оставался в аспирантуре, у меня был выбор – или Гончаров, мой учитель, или этот неведомый мне Фоменко. Мне не хотелось оставаться у Андрея Александровича. Я его очень любил, но за 5 лет все понял. Петр Наумович согласился стать моим научным руководителем. Как в дальнейшем выяснилось, это было невероятное счастье. А потом меня позвали преподавать на курсы к Анатолию Васильеву, и это было очень важно, поверьте, потому что он затрагивает какие-то космические вещи. А до Васильева был Марк Захаров. То есть я работал с очень разными людьми и мне кажется, это меня здорово сформировало. Я был вольный стрелок, даже когда «Мастерская» организовалась. Успевал ставить во многих театрах. Мне везло. Но я ни за что не отвечал. А теперь отвечаю за все. Начальнику в театре надо давать молоко за вредность. Я-то еще в идеальной ситуации, потому что наш коллектив состоит из родственников и учеников. А вот как Галина Волчек продержалась столько лет? Или Олег Табаков? Да я бы им памятник при жизни поставил! Потому что любой театр – это все-таки сборище талантов, самолюбий, парадоксов, несовместимостей. Это очень тяжелая вещь. Лучше бы я не становился никаким худруком, а Фома бы жил всегда!

Сцена из спектакля «Вишневый сад»

УЛЫБКА МЕЛЬПОМЭНЫ

■ **Нино ЦИТЛАНДЗЕ**

Тбилисский государственный русский драматический театр им. А.С. Грибоедова во второй раз стал участником Международного театрального фестиваля «Мельпомена Таврии». Грибоедовцев встретил уютный и гостеприимный Херсон.

Благодарный херсонский зритель

Во второй день гастролей на «Мельпомене Таврии» грибоедовцы совершили прогулку на катере по Днепру вместе с представителями грузинской диаспоры Херсона, украинскими журналистами и театральными критиками. Итогом прогулки стали не только интересная беседа и хорошее настроение, но и ряд интервью, а также передача на Радио Украины, полностью посвященная 170-летию юбилею Грибоедовского театра. Атмосфера царилась теплой. А профессионализм организаторов фестиваля привел всю гастрольную группу в восторг!

Вечером 27 мая Большой зал Херсонского областного музыкально-драматического театра им. М. Кулиша был заполнен до отказа. Все ждали наш «Вишневый сад»! Как выяснилось, при одном упоминании, что главную роль в спектакле исполняет Народная артистка Грузии Гуранда Габуня, билеты были раскуплены в считанные дни. И ожидания не обманули – после спектакля зрители устроили грибоедовцам восьмиминутную овацию, не смолкали крики «Браво» и «Слава Грузии»!

По окончании спектакля директор фестиваля Александр Книга вручил Грибоедовскому театру памятный диплом. Подарки и поздравления и грибоедовцам, и фестивалю передала руководитель

грузинской диаспоры Херсона Элико Маркелия. А Гуранде Габуня была присуждена премия фестиваля «За преданное служение театру».

Спустя час после спектакля на официальную страницу Грибоедовского театра в социальной сети пришло сообщение от студентки из Херсона Марии Чичикало:

«Добрый вечер! Меня зовут Мария, я студентка третьего курса исторического факультета Херсонского государственного университета. От всей души хочу поблагодарить Вас за то, что Вы приехали к нам на «Мельпомену Таврии». Ваш «Вишневый сад» просто восхитительный, актерская игра на высоте. Очень сложно выделить какого-то одного актера, все монологи цепляли за самые глубокие струны души! Все представление пролетело за миг, зритель окупился в ход действия. Это просто великолепно! Спасибо Вам огромное, за то, что Вы ставите великую русскую классику, особенно Чехова. Браво! Приезжайте к нам еще! Еще раз, Браво, Грузия!».

Согласитесь, такое отношение дорогого стоит!

28 мая лауреат премии им. К. Марджанишвили Ирина Мегвинетухуцеси представила спектакль «Желтый ангел». Эта постановка Автандила Варсимашвили, основанная на песнях Александра

Вертинского - пронзительный рассказ женщины о себе, о времени, о любви и одиночестве. Актриса получила диплом Международного театрального фестиваля «Мельпомена Таврии» и истинное признание зрителей!

В 2013 году Ирина Мегвинетухуцеси уже блистала на «Мельпомене Таврии» со спектаклем «Убить мужчину» в постановке Гоги Маргвелашвили, где она играла в дуэте с Валерием Харютченко. И зрители, и организаторы фестиваля так вдохновились ее игрой, что вопрос о приглашении на следующие фестивали решился моментально – «Хотим видеть Ирину снова!». И вот, спустя два года, актриса показала на фестивале свой моноспектакль.

«Мельпомена Таврии» в этом году получила «аттестат зрелости» - фестивалю исполнилось 17 лет. Главными целями «Мельпомены» ее организаторы считают сближение театральных коллективов из разных стран, способствование дальнейшему сотрудничеству и создание совместных проектов. На восемнадцатой «Мельпомене Таврии» грибоедовцы сыграют спектакль-визитную карточку – «Холстомер. История лошади» Автандила Варсимашвили. А это значит, что фестиваль и дружба продолжаются!

■ Анна ФАЛИЛЕЕВА

Десятая часть романа «Доктор Живаго» под названием «На большой дороге» начинается с удивительной фразы: «Стояли города, села, станки». И дальше: «Тракт..., как хлеб, разрезал города пополам ножом главной улицы, пролетал не оборачивая, раскинув далеко позади шпалерами выстроившиеся избы, или выгнув дугой или крюком внезапного поворота».

Не в первый раз на широком просторе русского романа возникает образ дороги. Оттого ли, что велика Россия, или видно с дороги объемнее, но и в «Путешествии из Петербурга в Москву», и в «Мертвых душах» ракурс один.

Но для Пастернака дорога – не только способ видения, это – символ. Дорога – судьба, наиболее широко – судьба России. Причем, это не бескрайний широкий путь, которому нет конца и итога, как у Гоголя, а замкнутый круг, кольцо, конец которого упирается в начало. Родившийся в Москве Юрий Живаго, в промежутке исколесивший множество дорог, в конце жизни возвращается в родной город. Ларисе Федоровне, сделавшей попытку уехать за границу, также суждено вернуться в город детства.

Уже самые первые слова романа «Шли и шли и пели «Вечную память»...» звучат как заклинание. Как приговор. Впредь нигде не найдет Юрий покоя. Уход его отовсюду фатален – он уезжает с войны, убегает из партизанского отряда, пешком уходит из Варыкино, даже перед смертью он успевает выйти из трамвая, который везет его на место новой службы, наконец-то после стольких мучений обещающей более или менее обеспеченную жизнь.

Дорога у Пастернака, как и во всякой эпопее, – символ многозначный. Это дорога жизни и дорога истории, «ход веков» и просто тракт. Это существование во всем его многообразии, это и символ родины, застигнутой революцией. Через образ дороги Пастернак выражает свое ощущение единства мира, взаимосвязи людей. Поначалу внезапные совпадения встреч

Борис Пастернак в кабинете

Дорога, идущая «безостановочно вперед»

Живаго со знакомыми по рассказам или просто близкими людьми кажутся примененным в сказке допуском, условностью. Но когда все прошедшие перед нами судьбы сворачиваются в единый узел и жизнь одного человека оказывается зависимой от поступков другого, понимаешь, что в самом деле «только в плохих книжках живущие разделены на два лагеря и не соприкасаются. А в действительности все так переплетается!» Гармония, а Пастернак, как Пушкин, считает мир гармоничным, невозможна без материализованного образа единства судеб, понимание кровного родства всех героев друг с другом. В этом отношении роман Пастернака и в самом деле близок «Войне и миру» – эпопее Толстого (влияние взглядов Толстого-историка на Пастернака отметил Д.С. Лихачев). Но есть в их отношении к изображаемому, на мой взгляд, одна существенная разница – в мироощущении поэта намного больше иррационального, необъяснимого, неясного, чем во взглядах Толстого, которые отличаются цельностью, стройностью и осознанием итоговой рациональности истории. Разница эта, думается, объясняется особенностью рос-

сийского катаклизма начала века – Пастернак в неопределенности разрушаемой революцией жизни ищет определенность и находит ее – в человеке: «Как мог он... среди такой бездны неопределенных знакомств не знать до сих пор такой определенности, как этот человек? Как не столкнула их жизнь? Как их пути не скрестились?» И если дорога несет в произведении в основном отрицательный заряд: коли провидение хочет испытать героев, оно заставляет их кочевать по весям и трактам, переживая физические и духовные страдания – то положительный герой Пастернака – это красота, главным образом, красота природы.

Прекрасное – один из самых важных символов поэзии и прозы Пастернака. В одном из стихотворений Живаго есть такая строчка: «Корень красоты – отвага». «Красивое, по Пастернаку, – природное, естественное, человеческое. Истинная гармония и правда могут быть только в органичном: «...то, что называется ходом истории, он предвставляет себе совсем не так, как принято, и ему она рисуется наподобие жизни растительного царства», – пишет автор о своем герое. Совершенно особую роль

в романе – и это также делает его единственным в своем роде – играет Солнце. Это не символ в принятом значении слова: он не обозначает ничего конкретного или обобщенного, Солнце Пастернака – лирический герой, сама непредсказуемость и естественность, в то время как дорога – рок, неизбежность и обреченность. Поэтому и сталкиваются в «Докторе Живаго» «интересы революции и существование солнечной системы», что «жизнь... сама... непрерывно себя обновляющее, вечно себя перерабатывающее начало, она сама вечно себя переделывает и претворяет, она сама куда выше... теорий». В одушевлении природы, во взаимосвязи ее с героями и заключено новаторство Пастернака как прозаика. Соучастие Солнца в действии вносит нотку иррационального, немного тревожного, странного: «Он с признательной радостью отметил, что Солнце не торопит его». Казалось бы, если обозначить одушевление природы «пантеистическим созерцательством» Пастернака и отнести сюда свойство «всякой живой твари... ясным русским языком» говорить с дочерью Лары и Живаго, проблема будет решена. Но, повторяю, это не странности романиста, это его особенность.

У Пастернака нет ничего общего с мирным описанием природы у Тургенева и со строго классической архитектуроникой Толстого, рассказывающего о вполне естественной смене состояний дуба, увиденном князем Андреем. В понимании природы поэт отличается от них тем, что видит в ней не пассивную силу, холодную и равнодушную, какой

она представлялась и Пушкину, а действенную, добрую, участливую, мудрую («...только природа оставалась верна истории...»). Мало того, он создает образ женщины, который как бы олицетворяет собой природное начало. О ней сразу после разлуки, обещающей стать вечной, твердит Живаго помимо воли: «Закатилось мое солнце ясное». Сама любовь Лары и Юрия освящена естеством жизни: «Они любили друг друга потому, что так хотели все кругом: земля под ними, небо над их головой, облака и деревья».

По-особому описано в романе схождение жизненных дорог Лары и Юрия. Две половины мира постепенно смыкаются, творец находит свою тему, блуждающий в потемках и поисках слов находит выход в органике поэзии, жизнь приобретает смысл. Д.С. Лихачев увидел в образе Ларисы Антиповой Россию. Действительно, ее судьба – во многом судьба России, и любовь к ней в сердце Живаго-творца равновелика чувству родины. Но поэтический ритм схождения этих двух натур, а также тот факт, что Юрий начинает писать стихи только с появлением Ларисы, наводит на мысль и о другом: Лариса Федоровна – это Муза Живаго, а попросту говоря, Жизнь, столь многогранная, сколь и любимая им. В описаниях ее черт и черточек присутствует та же осязаемая до материальности звучность, что и в описаниях природы. А руки героини – «большие, как душа», сравниваются с ветками рябины в снегу, рябина щедра, добра и спасительна для Юрия, как и руки Лары. Следовательно,

Сцена из фильма «Доктор Живаго»

Сцена из фильма «Доктор Живаго»

жизнь и творчество – одно целое, выражающееся в радости существования. Вместе со своим героем Пастернак восклицает: «Как сладко жить на свете и любить жизнь! О как всегда тянет сказать спасибо самой жизни, самому существованию... Вот это-то и есть Лара... она их представительница, их выражение, дар слуха и слова, дарованный безгласным началам существования». С образом Лары связана одна из существенных сторон мировоззрения Пастернака – его отношение к жизни, как дару, счастью, радости, вопреки всему тяжелому, дурному, чудовищному. В конце романа читаем: «Счастливое, умиленное спокойствие за этот святой город и за всю землю, за доживших до этого вечера участников этой истории и их детей проникало их и охватывало неслышной музыкой счастья, разлившейся далеко кругом», – а, казалось бы, для радости повода нет – одни горе и смерть. Парадокс в том, что для творческого человека ощущение счастья от «чудотворства» жизни даже в смутные вре-

мена означает победу над силами смерти, преодоление мрака и неизбежность. Ведь у последнего пассажи «Доктора Живаго» есть продолжение и объяснение: книга доктора давала чувствам его друзей «поддержку и подтверждение».

При сложившемся отношении Пастернака к революции он стремится к объективности. Он и героя своего как бы нарочно оберегает от расстрела, тюрем или ссылки. Взгляд Живаго на революцию и гражданскую войну не сторонне осуждающий, а заинтересованный, вдумчивый. Взгляд изнутри жизни. Одноплановость оценок в высшей степени чужды роману. Одного и того же героя – к примеру, Гинца, – Пастернак описывает и с нескрываемой иронией, и с состраданием. При всем внешнем спокойствии, неторопливости и даже обыкновенности повествования автор не приемлет героев заурядных, рядовых, средних. Он занимается типами – аристократа, пришедшего в революцию (Гинц),

рядового революционера (Памфил Палых), анархиста (Галузин) и т.д. Разность описываемых персонажей, которые и составляют роман как эпопею, отнюдь не приводит к тенденциозности и предпочтению одного типа другому, что неизбежно при другом способе рассказа – автобиографическом, личном, лирическом. Не собой, «любимым», занят автор, не своими переживаниями. Согласно великой традиции русской прозы (а Пастернак, по своему глубокому убеждению, русский писатель, да разве может не русский писатель написать такое распевное причитание: «О Юра, Юра, милый, дорогой мой, муж мой, отец детей моих, да что это такое? Ведь мы больше никогда, никогда не увидимся?»), он рисует картину жизни с состраданием к каждой судьбе – единственной. Если «творчество и чудотворство» – одно, а «чудо есть Бог», значит любая жизнь божественна. Любая. Дорога судьбы, дорога революции непосредственно сводит вместе доктора и Памфила Палых – жестокое пророчество сталинской эпохи. Это чудовище, к которому читатель вместе с Пастернаком тем не менее проникается состраданием, не гибнет – исчезает... Пастернаку важно понять, не кто и почему совершил революцию – это ясно и без объяснений, а как она вошла в сознание и быт людей, как изменила человека, что принесла ему, чем обделила. Принимая ее как реальность, Пастернак не принимает, не может принять отношения новой власти к человеку, отношения, исходящего из «органического», но ведущего к «самоограничению», а затем к «ограниченности». Всей историей русской, всей христианской верой своей в идеалы справедливости убежден поэт в том, что никакие залого будущего рая не окупят несвободу и подавление личности. Если доктор Живаго понимал все это с самого начала: «... такие вещи живут в первоначальной чистоте только в головах создателей и то только в первый день провозглашения. Иезуитство политики на другой же день выворачивает их наизнанку», то Стрельникову, выросшему в той же среде, что и Живаго, пришлось постигнуть это ценой жизни. Оказалось, что «для того, чтобы делать добро, его принципиальности недоставало беспринципности сердца, которое не знает общих случаев, а только

Сцена из фильма «Доктор Живаго»

частные, и которое велико тем, что делает малое».

Вместе с тем нельзя сказать, что Пастернак настаивает на абсурдности и беспочвенности революции. Если даже «революционность Стрельникова... выделялась своей подлинностью, фанатизмом, не напетым с чужого голоса, а подготовленным всю его жизнью и не случайным», то значит и революционность сама по себе не есть случайность. Поэт глубоко вникает в сущность революционности в поэмах «1905 год» и «Лейтенант Шмидт». Ему нравится, что ситуация в России обнажила разрыв между духовным и бездуховным: «Все бытовое опрокинуто и разрушено». Вопрос в другом. А именно: «спасение не в верности форме, а в освобождении от нее». Поэтому даже при ясно выраженном стремлении автора идеализировать образ Стрельникова-Антипова (имею в виду сцену первой встречи с ним доктора) конец, финал его судьбы иным быть не может. Как не может оказаться невольным убийцей главный герой, стрелявший в противника вместе с партизанами (заметим, что эксперимент со стреляющим доктором несколько искусствен). Позиция превосходства силы, убежденности в правоте доктрины, мертвой уже потому, что – доктрина, чужда герою изначально: «Я не люблю правых, падавших, оступавшихся. Их добродетель мертва и малоценна».

Вдумаемся: Живаго – врач. Лекарь ран и болезней, воплощение человечности, сострадания. И одновременно поэт – созерцатель, свидетель, судия. Деятель и философ. Интеллигент. Вот он говорит о том, что он – хороший диагност, а, кажется, что о себе как о поэте: «это

и есть ненавистная интуиция, которой я якобы грешу, цельное, разом охватывающее картину познание». Поэт Живаго не по профессии. По рождению, сходению светил. В главе «Московское становище» описано совпадение «творчества и чудотворства» – момент поэтического озарения Живаго совпадает с редчайшей «ледяной темно-синевой ясностью» в солнечный день. Земное и духовное сосуществуют в нем в девственном, гармоничном единстве.

И все же Юрий Живаго одарен не собственно поэтическим даром, а даром жизни. Даже фамилия его говорит об этом – есть в ней что-то древнерусское, исконное, истовое. Вот сам же он замечает: «...талант в высшем широчайшем понятии есть дар жизни». Отношение героя к родине совпадает с отношением к природе, к существованию. Это даже не любовь, порой бессознательное чувство, а какое-то слияние. Всего лишь раз вскользь говорит Живаго о своем отношении к России, но достаточно исчерпывающе: «Взрослый мужчина должен, стиснув зубы, разделять судьбы родного края. По моему, это очевидность». Но сама тема разрабатывается и дальше: сравниваются Юрий Андреевич и его дядя. Это были во многом близкие люди, «два творческих характера», но Николай Николаевич «...сознавал себя гостем в Москве и не желал расставаться с этим сознанием. Считал ли он при этом своим домом Петербург или какое-нибудь другое место, оставалось неясным. Ему льстила роль политического краснбая и общественного очарователя». Совсем иные отношения с Москвой у Живаго – он стремится туда всегда и неизменно, поэтому

Москва – «родной город Живаго и половины того, что с ним случилось», является по сути «главной героиней в длинной повести».

Живаго чужды сомнения в выборе поступков и средств достижения цели. В нем благодаря поэтическому таланту естественной гармонии с миром с детства было заключено чистое понятие совести, чести, любви. Вне этих понятий он немислим.

И вновь замкнулся круг – природа с нежностью приняла в себя Живаго: «Царство растений так легко себе представить ближайшим соседством царства смерти. Здесь, в зелени земли, между деревьями кладбищ, среди вышедших из гряд цветочных всходов сосредоточены, может быть, тайны превращения и загадки жизни, над которыми мы бьемся».

Неразрывные с Юрием темы дороги и природы – революции и жизни получают завершение в двух образах в главе «Рябина в сахаре». В центре ее – дарующая спасение рябина и возвышенность с необычайно крутым обрывом – символ тупика. Именно на этой возвышенности происходит расстрел одиннадцати заговорщиков и двух санитаров. И как ни велико отвращение Пастернака к этим подонкам, как ни унизительны для человеческого достоинства их жалкие мольбы о прощении, он не забудет отметить: «Дольше всех дергался мальчик, Тереша Галузин», именно так – «мальчик Тереша», даром, что впоследствии он оказывается живым. Близость романа к классике выделяется явно во всех темах произведения. И все же так ли уж традиционно построение подглавок романа? Чуть ли не каждая из них, даже если ее содержание отвлеченно, – имеет в конце реальную деталь, даже действие, которое обозначает не только конец состояния, но и переход в новое. Это как бы связь картинок-изображений, в чем-то сходная с киномонтажом и, быть может, заимствованная у кинематографа. Да и сам автор писал о своем стиле так: «Всю жизнь мечтал... об оригинальности сглаженной и приглушенной, внешне неузнаваемой и скрытой под покровом всеупотребительной и привычной формы» прозы. Может быть в этом заключается разгадка новаторства романа, написав который, поэт сказал:

*«Я весь мир заставил плакать
Над судьбою страны моей».*

Участники Фестиваля бардовской песни во Мцхета

Музыка для *Бесед*

■ **Алена ДЕНЯГА**

*Вот музыка та, под которую
мне хочется плакать и петь.
Возьмите себе оратории,
и дробь барабанов, и медь.*

*Возьмите себе их в союзники
Легко, до скончания дней...*

Меня же оставьте

с той музыкой:

мы будем беседовать с ней...

(Булат Окуджава)

*Как писал лидер
рокгруппы «Аквариум»
Борис Гребенщиков:
«Однако не будем грустить
– барды сгинули, но законы
их музыки остались. Это
старинные законы: эта
музыка зависит от звезд и
Луны...»*

Удивительным народом были кельты. В созданном ими обществе, пропитанном множеством легенд и мифов, бардам – сочинителям и поэтам ничего не угрожало, они были неприкосновенной «кастой». По сей день ирландцы, ныне проживающие на кельтских землях, верят, что «проклятие падет на голову того, кто осмелится поднять руку на поэта». Быть может поэтому, барды не носили оружие и по сути своей – убежденные пацифисты... Лишь любовью к ближнему можно постичь знания, верили они. Должно быть в связи с этим христианство, пришедшее на смену мифическим божествам, не стало им чуждым.

Бардовские слеты-фестивали проводятся по всему миру. У авторской песни есть свои слушатели, фанаты, культуртрегеры этого жанра.

И в Грузии уже два года существует бардовский фестиваль.

Тбилиси поразительным образом на протяжении веков вбирал в себя все лучшее, что могли привнести в его жизнь, в его дух приезжие гости – «заезжие» музыканты и поэты, артисты, режиссеры и оперные певцы, художники и композиторы... Душа города жила и расцветала... И Тбилиси XXI века – открытый город с живой душой...

В прошлом году I Тбилисский международный фестиваль авторской песни был посвящен 90-летию со дня рождения Булата Окуджава. На этот раз фестиваль приурочен к памятной дате – 70-летию Великой Победы.

В мае Тбилиси во второй раз собрал на фестиваль бардов и исполнителей из девяти стран – Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Израиля, Литвы, России, Украины, Чехии.

Проект был осуществлен по инициативе Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» при финансовой поддержке фонда «Русский мир». Почетным гостем фестиваля стал Сергей Шурыгин, заместитель исполнительного директора фонда.

Участников фестиваля приглашал Роб Авадьяев, исполнитель автор-

ской песни, один из создателей бакинского Клуба авторской песни (КАПа), сегодня проживающий в Тбилиси. Он собрал авторов-исполнителей, своих зарубежных коллег, очень разных и в то же время объединенных бардовским братством.

Роб Авадяев вел два первых концертных вечера, на которых каждый из участников в персональном блоке представил свое творчество.

Из Азербайджана приехали – Ибрагим Имамалиев, художественный руководитель бакинского КАПа и Джавид Имамвердиев, организатор ежегодного Бакинского международного фестиваля авторской песни и президент КАПа; из Армении – Артур Агаджанов, студент по классу вокала Ереванской Консерватории имени Комитаса; из Беларуси – Александр Баль, поэт, заведующий музыкальной частью Могилевского областного драматического театра; из Израиля – Дмитрий Кимельфельд, популярный в 70-80-х годах в Советском Союзе бард; из Литвы – Вигантас Казлаускас, автор и исполнитель авторской песни на литовском и французском языках; из России – Дмитрий Бикчентаев (Казань), бард, композитор, автор музыки для театра и кино, Александр Ванин, член Клуба авторской песни «Парус» Калининграда, лауреат Грушинского фестиваля, Елена Гурфикель, поэт и бард из Москвы, Алексей Ушаровский (Москва), актер, исполнитель авторской песни, москвичи Ольга Васильева и Михаил Гантман, исполнители авторской песни, участники многочисленных фестивалей; из Украины –

Ольга Артеменко, исполнительница авторской песни и Олег Рубанский, поэт, президент Киевского международного фестиваля авторской песни и поэзии «Остров»; из Чехии – Алексей Кудрявцев, поэт, лауреат Грушинского фестиваля, известный исполнитель песен Владимира Высоцкого.

С грузинской стороны на правах «хозяев» фестиваля выступили – Роб Авадяев, публицист и телеведущий; Вахтанг Арошидзе, инженер-гидрогеолог; Зура Закариадзе (Папа), исполнитель авторской песни на грузинском языке; Давид Мезурнишвили, психолог, лидер рок-группы «Пилигримы»; Олег Мchedlishvili, поэт, актер театра имени А.С. Грибоедова; Елена Осипова, пианистка, музы-

ковед, композитор; Ирина Парошина, поэт, физик, программист, фотограф; Гога Чкония, поэт, тележурналист, продюсер.

Фестивальные вечера проходили в исключительно теплой, душевной атмосфере. Грузинские и зарубежные участники подарили тбилисской публике радость общения, зрители не хотели расставаться с дорогими гостями.

Гала-концерт был посвящен 70-летию Великой Победы. Барды исполняли песни военных лет, песни Булата Окуджавы, Юрия Визбора, Владимира Высоцкого и авторские. Ведущей гала-концерта с радостью согласилась стать Ирма Сохадзе, поэт и композитор, джазовая и поп-певица, заслуженная артистка Грузии.

В гала-концерте участие также приняли актриса театра имени А.С. Грибоедова Ирина Мегвинетухуцеси и эстрадные грузинские исполнители – Бесик Каландадзе и Темо Саджая. Концерт проходил в торжественной обстановке и окончился овациями.

Фестивальная программа была заполнена не только выступлениями, но и поездками – гости осмотрели старый Тбилиси, район серных бань – Абанотубани, крепость Нарикала, а в один из дней посетили древнюю столицу Грузии Мцхету – храмы Светицховели, Самтавро и монастырь Джвари.

В рамках фестиваля в Тбилиском центре РИА-Новости прошла итоговая пресс-конференция.

Джавид ИМАМВЕРДИЕВ (Азербайджан)

– Я считаю замечательным, что в Тбилиси, где была написана первая песня Булата Шалвовича Окуджавы «Неистов и упрямя, огонь, гори...», проходит бардовский фестиваль. Для нас подобные фестивали очень важны. Есть такая строчка замечательного поэта Владимира Ланцберга: «Сверим наши песни», т.е. мы съезжаемся,

чтобы сверить наши песни, пообщаться друг с другом... Для меня тбилисский очень родной фестиваль, он похож на наш бакинский. Здесь очень добрая и восприимчивая публика, здесь очень приятно работать.

Александр БАЛЬ (Беларусь)

– Публика настолько изголодалась, как мне показалось, что было бы больше концертов – прошло бы

еще лучше и, поверьте, не провально. Вот такое мое пожелание – побольше нас нагружать выступлениями (смеется).

Вигантас КАЗЛАУСКАС (Литва)

– В Тбилиси на фестивале я уже второй раз. Публика здесь умеет слушать, для нее всегда хочется петь. Я дважды был на бакинском

фестивале, в Калининграде. У нас в Литве тоже проходят подобные фестивали, но делаются они по иному принципу. Приглашают одного представителя, который выступает на своем языке, нет ограничения в инструментальном плане, можно приехать одному, либо музыкальной группой. Мы организуем выезды участников в маленькие города. Мы сотрудни-

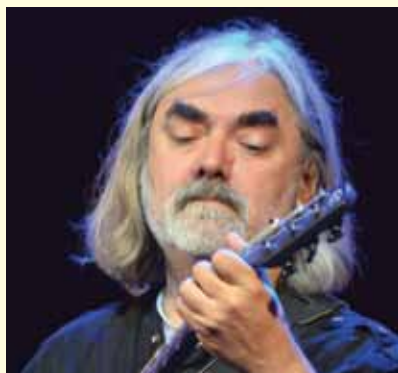

Участники фестиваля

чаем с латвийским фестивалем и отправляем каждый год своих исполнителей в Ригу, где они выступают в Церкви святого Петра.

Дмитрий БИКЧЕНТАЕВ
(Россия, Казань)

– Я в первый раз на фестивале в Грузии. Единственное, что я могу сказать своим друзьям – нужно ехать в Грузию. Эта страна предрасположена к туризму. Я видел своими глазами доброжелательность всех служб, которые отвечают за туристический контент, во всяком случае, в Тбилиси. Здесь есть, что посмотреть. Проведение аналогичных фестивалей может

приносить и экономическую пользу – сюда через песню потянутся туристы. Думаю, что шаги, которые предпринимает республика, предпринимают организаторы – это шаги правильные в экономическом, духовном и эстетическом плане.

В России есть большое число любителей песни, которые ездят за свой счет на фестивали авторской песни. Дорога не так дорого стоит, проживание в гостиницах, хостелах по очень лояльным ценам. Думаю, что подтянулись бы из России не только любители попеть, но и послушать... Я желаю продолжения этого события, чтобы был и третий, и пятый, и юбилейный десятый. И, может быть, политики нас услышат, и поймут, что в общем, делить-то нечего. Давайте будем духовно обогащать друг друга хотя бы через песню.

Елена ГУРФИНКЕЛЬ
(Россия)

– О чем поэзия? Точно перевести нельзя. Это не публицистика, не драма с определенным сюжетом. Естественно, прежде всего, поэт пишет о себе. Этим он и делится со зрителем. Хорошее по-

падание происходит, если зритель понимает, что все, что поется – и о нем тоже.

Алексей КУДРЯВЦЕВ
(Чехия)

– В Тбилиси «очень работоспособная» публика, я бы так сказал. Она работает вместе с артистом. А это немаловажно для каждого поющего человека. Очень было приятно, что были полные залы, это не всегда происходит, когда дело касается нашего жанра, который

сейчас в российских СМИ не пинает только ленивый. Ну и, конечно, грузинское гостеприимство, это проверено, и это не миф (смеется).

Александр ВАНИН
(РФ, Калининград)

– Публика серьезная, но очень благодарная, ты выходишь и по-

нимаешь – тут не пройдет налегке. Ты отдаешь ей что-то и она с избытком возвращает.

Артур АГАДЖАНОВ
(Армения)

– Еще раз хочу поблагодарить за приглашение на эту святую землю. Зритель у вас чрезвычайно позитивный, теплый. Отраднее выступать перед братским грузинским народом. Чтить память павших.

Фестиваль и бардовская песня объединили всех нас. Это было замечательно и пусть это продолжится...

Дмитрий КИМЕЛЬФЕЛЬД
(Израиль)

– Много есть форм проведения фестивалей. Форма этого фестиваля связана с тем, что Тбилиси – необычный город. Это поразительно, здесь сразу же возникает то торжественное настроение, которое диктуется великой поэзией тех лю-

дей, которые побывали до меня... И люди, которые здесь живут, те, кто пришли на наши концерты, – не просто белый лист, они воспитаны этим городом, а это уже колоссальная традиция. Для меня это был праздник...

Гурген Тонунц

ЛИЧНО ИЗВЕСТЕН

■ Арсен ЕРЕМЯН

Короткое затишье перед съемкой, как перед боем. Расплавленный августовский день за окном номера тбилисской гостиницы «Иверия», тесного для его крупной фигуры атлета, популярного киноактера, народного артиста Армянской ССР и Якутской АССР. «От А до Я», как шутят коллеги-друзья. На столе – толстенная книга на немецком языке, которую отложил после моего прихода. Говорит он неторопливо, просто, мысленно перенесясь на Руставскую дорогу, где через два часа предстоит ему скакать во главе гремящей кавалькады...

– С вашего позволения, Гурген Оганесович, начнем с конца. Продолжаете работу над образом, который давно стал визитной карточкой для вас, сыгравшего 48 ролей в кино и свыше семидесяти – в театре?

– В эти дни мы завершаем съемку фильма о последнем подвиге Камо, выступающего по заданию наркома Дзержинского в новом для себя качестве разведчика. После выхода фильмов «Лично известен» и «Чрезвычайное поручение» на киностудию пришли десятки тысяч писем зрителей с просьбой продолжить рассказ о человеке, в жизни которого всегда было место подвигу. Его шесть раз арестовывали, четыре раза приговаривали к смертной казни (из них последний приговор был заменен 20-летней каторгой). Трижды он бежал из тюрьмы. Его побег из Метехского замка в Тбилиси, по отвесной скале, Горький назвал фантастическим фокусом. Камо пять раз был тяжело ранен и более двух лет провел в психиатрической клинике в Берлине, где, скрываясь от полиции, гениально выдавал себя за сумасшедшего. Мы уже отсняли большинство эпизодов в Москве, Ереване, Баку.

Я родился в Тбилиси, на улице Камо, в год его смерти, в 1922-м, недалеко от дома, в котором он жил. В детстве мы играли в Камо, как в России играют в Чапаева. Видимо, уже тогда этот образ как бы вошел в мою плоть и кровь. И вот я снова в городе, не похожем ни на один другой, где у меня столько друзей на киностудии «Грузия-фильм», да и не только там. В Тбилиси живет моя «мать» – выдающаяся грузинская актриса Верико Анджапаридзе, сыном которой непродолжительное время я был в фильме «Можно ли его простить?» А в снимающемся фильме моими партнерами выступают Гурам Сагарадзе и Бадри Кобахидзе.

– После Камо вы получили приглашения и снялись в сорока фильмах. В подавляющем большинстве то были роли людей мужественных, сильных. Видимо, выбор в известной степени был продиктован и тем обстоятельством, что вы человек военный, удостоенный 11 бо-

В годы войны

евых правительственных наград, чувствовали себя в родной стихии, попадая по воле сценариста в самые невероятные переплеты?

– С детства я мечтал о море. После окончания мореходки участвовал в походе по спасению «Седова» из ледового плена. В первый день войны ушел добровольцем на фронт. На борту легендарного ледокольного парохода «Дежнев» с четырьмя орудиями и несколькими пулеметами 27 августа 1942 года вместе с другими отражал нападение фашистского тяжелого крейсера «Адмирал Шеер», оснащенном 70 орудиями, на порт Диксон – один из важных опорных пунктов Северного морского пути. Это был неравный бой. Фашисты пытались высадить десант. Мы поставили дымовую завесу, и дальше все шло, как на сцене. Завеса – занавес, наш пароходишко, вошедший в историю ВОВ как сторожевой катер-19, выскакивал, стрелял и снова исчезал в дыму. Неожиданно нас поддержала береговая батарея, чьи 150-миллиметровые орудия, уже подготовленные к отправке и незакрепленные, стояли на причале. Командовал батареей лейтенант Корняков. Два точных попадания в носовую часть и пожар на корме заставили фашистский крейсер выйти из боя. Вначале я стрелял из крупнокалиберного пулемета. Потом увидел, что из орудийного расчета остались только двое. Стал помогать им. Ранило меня в ноги и спину, подносил сна-

Камо Тер-Петросян

ряды уже ползком... Потом врачи удалили около тридцати осколков, а всего — мелких тогда не считали — их во мне было до двухсот.

Выписался я из госпиталя, признали негодным к строевой службе, инвалидом второй группы. Время было, сами понимаете, горячее. А на фронт не пускают. Все же своего я добился. Был назначен в разведку в отдельный гвардейский мотоциклетный полк прорыва, которым командовал Герой Советского Союза полковник П.Белик. Наш полк, как правило, действовал на переднем крае и даже за ним. Так, в Бухаресте мы были на три дня раньше основных сил. Вот где, в разведке, пригодилось мое знание немецкого языка и регулярные занятия спортом. В довоенные годы я мечтал о лаврах Николая Королева, выступал в соревнованиях по боксу в чемпионатах Москвы и профсоюзов.

— Тогда, во время войны, вы, очевидно, были далеки от мысли о театре?

— Времени для него не оставалось. Под Будапештом был тяжело ранен в четвертый раз и уже списан вчистую... Надо было думать, как жить дальше гвардии лейтенанту. Подал заявление на режиссерский факультет ВГИКа и был принят в мастерскую одного из пионеров советского кинематографа Льва Кулешова. А потом был заснеженный городок Кустанай, на сцене драматического театра которого я сыграл немало ролей — Фердинанда в «Коварстве и любви», кардинала Монтанелли в «Оводе», Паншина в «Дворянском гнезде», Кнурова в «Бесприданнице», сэра Тоби в «Двенадцатой ночи». Еще в Кустанайе узнаю, что режиссеры, ныне

народные артисты СССР Степан Кеворков и Эразм Карамян, собираются снимать фильм о Камо — профессиональном революционере Симоне Тер-Петросяне, о котором я еще в детстве был слышан от своего отца, коммуниста с 1914 года. Сделал несколько фотографий и послал на «Мосфильм». Жду. Нет ответа. Шел 1956 год. Вскоре я смог вернуться в Москву. Устроился ассистентом режиссера у Александра Довженко на фильм «Поэма о море». Случайно узнаю, что актера на роль Камо еще не нашли. Иду в киностудию, а там удивляются: «Что? Эти ужасные, полупрофессиональные фотографии ваши? Немедленно сниматься!» А дальше вы уже знаете. Кстати, не все складывалось гладко. Положение осложнялось тем, что внешне я абсолютно не был похож на Камо. Когда сестра Камо, Джаваир, консультировавшая фильм, увидела пробы, то резко запротестовала против того, чтобы я создавал на экране образ ее брата. Но все обошлось. Именно она после премьеры фильма одной из первых поздравила меня с успехом, и, плача от нахлынувших воспоминаний, говорила: «Вы вылитый Камо!»

— Ваша последняя работа расскажет о деятельности Камо после Октябрьской революции, его женитьбе и трагической гибели. Означает ли это, что тема исчерпана до конца?

— Сейчас я заканчиваю сценарий фильма в четырех частях, возможно, для Центрального телевидения. Он расскажет о боевой группе Камо в глубоком тылу деникинской армии. Мне удалось обнаружить архивные документы и воспоминания бойцов этой интернациональной группы.

Кадры из фильма «Камо»

Их было 17, в том числе четыре девушки. Русский, грузин, армянин, украинец, латыш, мордвин... Все коммунисты, выпускники пулеметных курсов. В тревожное для молодой республики время, когда партия бросила клич: «Все на борьбу с Деникиным!», боевая группа действовала по заданию Ленина. На счету группы похищение секретных документов белогвардейцев, разгром Алексеевского полка, взрыв неприятельского штаба, доставка оружия и боеприпасов рабочим Северного Кавказа. Надеюсь поставить фильм самостоятельно, попробовать свои силы в режиссуре. Но это потом, а пока съемки, съемки... Закончив их, хочу отдохнуть. Просто трудно вспомнить, когда в последний раз воспользовался отпуском.

Прощаясь, мой собеседник берет книгу Виля Орджоникидзе о Камо «Тбилисский рассвет» и подписывает: «Арсену Леоновичу от лично известного. Желаю попутного ветра во всех начинаниях! Народный артист Армении Гурген Тонунц. 25 августа 1973 года».

Дом, в котором Товстоногов жил в Тбилиси

«Я трогаю старые стены...»

Тифлис: удивительные встречи

■ Владимир ГОЛОВИН

Мемориальная доска не большой тенистой улице напоминает о том, чем гордятся не только тбилисский театральный мир, но и все жители столицы Грузии. Она гласит, что здесь, в доме номер 9, с 1915 по 1946 годы «жил известный режиссер и общественный деятель Георгий Александрович Товстоногов». Тогда улица называлась Татьянинской, теперь, конечно же, носит имя этого замечательного человека. Казалось бы, исходя из всем известных фактов, к написанному можно сделать только два вполне резонных дополнения. Первое: в этом доме он и родился. Второе: он жил здесь за исключением пяти лет – в 1933-1938 годах Товстоногов учился в Москве, в знаменитом ГИТИСе (Государственном институте театрального искусства).

Но дело в том, что в судьбе Георгия Александровича, как, впрочем, и у многих великих людей, есть спорные, широко не афишировавшиеся моменты. Нет, они никак не лишают его права считаться тбилисцем. Однако, истины ради, о них нельзя не упомянуть

когда речь идет о жизни того, кто чувствовал себя абсолютно своим в тбилисских стенах, получил в них уменьшительное, чисто грузинское имя Гога, и именно под ним оставался в быту даже далеко от берегов Куры. «В грузинских семьях детские прозвища и имена так и прилипают к человеку на всю жизнь. Почему-то Гогаой он остался не только для семьи и друзей детства; имя это сохранилось за ним и в широком театральном кругу, когда он стал уже знаменит», - пишет другой тбилисец, драматург Анатолий Гребнев.

«Родился Георгий Александрович в Петербурге. Наш отец окончил институт корпуса инженеров путей сообщения и занимал довольно большой пост в министерстве путей сообщения. Жила семья на Фурштатской, там была очень хорошая квартира. Летом Георгия возили на курорт в Сестрорецк. Своей дачи не было. Я младше брата на одиннадцать лет, родилась в Тбилиси. В 1918-1919 году, когда в Петрограде стало уже очень беспокойно, и маму тянуло на родину, – семья переехала

туда...» Таковы не укладывающиеся в официальную биографию режиссера воспоминания сестры режиссера Нателы.

Эту тему, скорее всего с ее же слов, уже в жанре беллетристики развивает в своей книге и один из известнейших петербургских театральных деятелей. Он эмоционально описывает, как в 1907-м «дворянин Александр Андреевич Толстоногов, семнадцати лет от роду» приезжает из Симферополя на учебу в Петербург, с отличием заканчивает институт и «встречает свою судьбу – студентку консерватории по классу вокала, дворянку, Тамару Григорьевну Папиташвили», с которой венчается в 1912-м. Ориентируясь на неизвестные нам источники, автор даже уточняет, что их сын Георгий был крещен «в Спасо-Преображенской церкви, что рядом с Фурштатской, где они жили». И уж совсем удивительна следующая деталь: «Несмотря на свои молодые годы, Александр Толстоногов получил министерский пост, что грозило после свершившейся революции большой опасностью. Этим и продиктован

Гога в детстве

переезд семьи в 1919 году на родину жены, в Тифлис». То есть, отец режиссера из «занимавшего довольно большой пост» превращается уже в министра.

Должен признаться, что министр с такой фамилией я не нашел в списках ни царского, ни Временного правительств. Что ж, беллетристика позволяет себе и не такие преувеличения. Интересно другое. Вы обратили внимание, что в фамилии высокопоставленного инженера-путейца третья буква вовсе не «в», а «л»? В документах, же, которые его сын Гога получил уже в Тбилиси, годом рождения значится... 1913-й, а не 1915-й. Вот вам и еще загадки.

Первую из них некоторые биографы Георгия Александровича объясняют тем, что его мать смущала фамилия Толстоногова: «женщина крупная, полная, хотя и очень красивая... она видела в фамилии мужа намек на свою полноту и мечтала заменить одну букву». И, мол, это удалось сделать при смене паспортов во время переезда из большевистской России в независимую Грузию. А вот у того, почему Гогу «состарили» в документах на два года, есть

пара вариантов. Часто пишут, что он изменил дату рождения, когда в 1933-м поехал поступать в ГИТИС. Но зачем было делать это – не все ли равно, 20 лет абитуриенту или 18? Скорее всего, истине соответствует второй вариант: Георгий закончил школу в 15 лет, а в таком возрасте никак нельзя было выполнить мечту его отца – поступить в железнодорожный вуз. И Товстоногов-старший выправляет сыну новую метрику, чтобы тот, как 17-летний, смог подать документы в Закавказский институт путей сообщения. Еще до ГИТИСа.

Что ж, в этих деталях товстоноговской биографии, вроде, что-то проясняется. Но как быть с местом рождения? Сам Георгий Александрович везде и всегда утверждал: «Я родился в Тбилиси. Мой отец был потомственным железнодорожником, мать – домохозяйкой». Однако выдающийся театровед Татьяна Шах-Азизова вспоминала вот что: «Один раз он рассказал мне странную историю, которую, кажется, никто не знает. Когда он преподавал в Тбилиси, еще совсем молодым, у него на курсе была студентка-персиянка... Она умела гадать на кофе. И Г.А., который не верил в гадание, попросил ее ради шуток все же сказать, что его ожидает. Она, посмотрев на дно кофейной чашки, и, кажется на его руку, сказала, что он родился в далеком большом городе, там прославится и умрет. Это рассмешило студентов, они были уверены, что он родился в Тбилиси, ведь он жил там всю жизнь до этого. И только он не смеялся, потому что знал, что увидел свет в Петербурге».

Как бы то ни было, приехав в Тифлис, инженер Товстоногов очень быстро становится профессором в Закавказском институте путей сообщения, заведует там кафедрой. А с учебой сына снова, как говорится загадки истории. В автобиографии Георгия Александровича мы прочтем, что в школу он поступил в 1921-м. А вот сестра его утверждает, что произошло это на четыре года позже, потому что мать давала ему домашнее образование, как и полагалось в дворянских семьях в «старое время». Но непреложным фактом остается то, что Гога учился в 107-й школе на Плехановском (бывшем Михайловском, ныне – Агмашенебели) проспекте, в который «впадала» Татьянинская улица. В Тифлисе

школу, по привычке, называли «немецкой гимназией»: проспект и его окрестности издавна были местом обитания поселившихся в Тбилиси немцев. Естественно, директор школы сомневается, сможет ли учиться у него мальчик, не знающий немецкого. Но Тамара Георгиевна заявляет, что заберет сына, если он за месяц не освоит язык. Забирать не пришлось... А вообще, Георгий свободно говорил еще на грузинском и французском.

Именно в этой школе Гога и приобщается к театру, играет в драмкружке, становится членом его совета. И, получив «аттестат зрелости», уже всерьез мечтает о театре. Но... «Отец хотел, чтобы я продолжил его дело, настаивал на этом. По его плану я должен был поступить в институт железнодорожного транспорта, – вспоминал Георгий Александрович. – ...О своем намерении стать режиссером я сказал отцу. Нет, он не рассердился, объяснение наше было спокойным. Но отец решил так: я все же обязан получить какую-то «твердую» профессию, а потому поступлю в железнодорожный и

Георгий Товстоногов в тбилисский период

Лекция Г. Товстоногова в Грузинском театральном институте. 1943

после первого курса, когда мои желания окончательно определятся, если я докажу, что мечтаю о театре по-настоящему, только через год мы решим, кем мне быть».

А вот Натела говорит, что все было отнюдь не так мирно, когда ее брат заявил, что поедет в Москву учиться на режиссера. Ей, шестилетней, запомнилась бурная сцена, результатом которой становится компромисс, выдвинутый отцом. Сказано – сделано. Парень поступает в институт, ходит на лекции и сдает сессии, но сердце его далеко от железной дороги, оно отдано Театру юного зрителя (ТЮЗу), появившемуся в Тбилиси в 1927-м. Это был первый в Закавказье русский детский театр, созданный двумя энтузиастами – режиссером Николаем Маршаком, братом замечательного поэта Самуила Маршака, и актером Константином Шах-Азизовым, игравшим под псевдонимом «Муромцев», а под настоящей фамилией вошедшим в историю Грибоедовского театра.

Как только создается ТЮЗ, в нем появляется 12-летний Гога. Он просит Маршака дать ему хоть какую-нибудь работу, и получает место осветителя. Но мальчику этого мало, он постигает театральное дело, работая и монтировщиком, и помощником, а затем – ассистентом режиссера, под псевдонимом «Ногов» становится актером... И вот, в республиканской газете «Заря Востока» уже можно прочесть: «Из исполнителей необходимо отметить работу Турманина (Балда), Глобенко (купчиха), Бубутейшвили (Пульхерия), Ногова (писарь)». Это рецензия на пушкинскую «Сказку о купце и работнике его Балде». Еще Гога играет в пьесах одного из основоположников репертуара детских театров СССР Николая Шестакова «Путь далекий», «Аул Гидже» и других. Претензий к актеру Товстоногову нет, но сам он себя в этой профессии не видит.

Сестра его вспоминала: «Он пропадал в театре каждый вечер. Из школы бежал прямо туда, не представляю себе, когда он делал уроки, а учился ведь хорошо». Научившись хорошо разбираться в театральном деле, Георгий мечтает сам ставить спектакли, дает первый совет Маршаку и тот считает, что молодой человек прав. Прав он еще раз, и еще. В конце концов, Николай Яковлевич уже во многом советуется с молодым «коллегой». А были бы эти советы, если бы не увлечение Гоги театральной жизнью Тбилиси? Все исследователи творчества Товстоногова подчеркивают: сформирован он был именно грузинским театром, в первую очередь постановками Котэ Марджанишвили и появлением великолепной плеяды его учеников – режиссера Сандро Ахметели, актеров Верико Анджапаридзе, Акакия Хорава, Васо Годзиашвили, Ушанги Чхеидзе...

Вот, что говорил сам Георгий Александрович о том времени, о ТЮЗе, в котором он поставил первый в жизни спектакль – водевиль Чехова «Пред-

ложение»: «...Я, еще, собственно, мальчишка безусый, почуял природу театра, магию, проникся его атмосферой. Здесь была моя первая профессиональная школа. Может быть, еще не во всем осознанная, продуктивная, что ли. Но я понемногу начал ориентироваться внутри театрального организма. У меня появлялась увлеченность делом, появлялся вкус к познанию сложной внутренней механики спектакля. А это, согласитесь, уже не слепая юношеская, да что там юношеская – младенческая влюбленность. Это уже для жизни кое-что существенное. Моя любовь к сцене начала перерастать в определение себя, своего места на сцене».

Закончив первый курс железнодорожного института, Гога отдает родителям зачетную книжку в знак того, что больше не собирается там учиться. Ну, как могут мать с отцом противиться такому решительному выбору любимым сыном своей судьбы? «...Через Наркомпрос Грузии я получил направление в Государственный институт театрального искусства в Москве. Правда, тогда направление почти не давало никаких преимуществ при поступлении, как теперь. Мне пришлось выдержать

С сестрой Нателой

большой конкурс, желающих стать режиссерами было достаточно. Меня приняли». Скорее всего, об этом направлении хлопотали тюзовские руководители, других «ходов» в Народный комиссариат просвещения у молодого человека не было. У студента, сдавшего все вступительные экзамены на пятерки, на первом курсе лишь одна трудность – на занятиях по сценической речи: у него характерный тбилисский акцент. «Он много занимался, чтобы исправить акцент. Когда летом приезжал на каникулы, я часто слышала его упражнения – «от топота копыт пыль по полю летит» и прочее», – вспоминала его сестра.

По окончании каждого курса ГИТИСа – в Тбилиси. Там, на каникулах, помимо изживания акцента, он занят главным – ставит спектакли в родном ТЮЗе. На его первую самостоятельную постановку в 1934 году газета «Тифлисский рабочий» отзывается похвальной рецензией: «Широко используя метод социалистического реализма, театр в «Женитьбе» дает яркий анализ каждого образа бессмертной комедии». Писем домой он не пишет, лишь сестре, коллекционирующей открытки, присылает репродукции картин. А во время приездов на каникулы в ТЮЗе ставит еще пять спектаклей. Он вспоминал: «В институт, возвращался, конечно, с опозданием, выслушивал выговоры декана, а потом... снова ехал». И после каждой постановки – благосклонные отзывы прессы. Достаточно прочесть один: «Постановщик «Музыкантской команды», молодой режиссер Г.Товстоногов создал яркий, волнующий спектакль, близкий и понятный советской молодежи». Писал о Товстоногове в газете «Молодой сталинец» и будущий знаменитый киносценарист Анатолий Гребнев, которого в тбилисской немецкой школе знали под его настоящим именем Густав Айзенберг...

Студент ГИТИСа счастлив, что его учение не ограничивалось стенами института: «Меня учила вся театральная Москва. Тогда не зря называли ее театральной Меккой. Середина тридцатых годов, а это значит – Станиславский, Немирович-Данченко, Рубен Симонов, Мейерхольд, Таиров, Завадский, Федор Каверин... Тогда я получил хорошую профессиональную «закваску», позволившую, как мне кажется, в течение всей жизни идти только своим путем». Первый большой шаг на этом пути, уже настоящим профессионалом, он делает в 1938-м, дипломным спектаклем «Дети Ванюшина» С.Найденова в стенах Тбилисского русского театра имени Грибоедова. Туда же его распределяют на работу.

Коллективу театра он благодарен: «Не могу не отметить совершенно исключительное отношение театра к моей дипломной работе, создававшее максимально выгодные условия для того, чтобы моя работа протекала нормально. В спектакле был занят основной актерский состав, я не был ограничен ни временем, ни средствами. Работа моя протекала совершенно самостоятельно». А это – воспоминания актрисы Екатерины Сатиной: «Запомнился мне день первой репетиции спектакля «Дети Ванюшина». Перед нами молодой человек, очень взволнованный, но отлично владеющий собой. Экспозиция спектакля, его правильное идейное раскрытие, интересная обрисовка образов сразу показали, что перед нами очень умный и творчески одаренный человек. В его режиссерской работе уже тогда чувствовалась уверенная рука. Результат работы: интересный спектакль, прекрасно защищенный диплом с высокой оценкой комиссии и включение Г.А. Товстоногова в режиссерский состав театра имени А.С. Грибоедова...»

После этого, за семь лет работы с грибоедовцами, которую оценивает, как «одно удовольствие», он ставит еще двенадцать спектаклей. Ну, а дипломные «Дети Ванюшина» имеют такой успех, что знаменитый актер и режиссер Акакий Хорава, создававший тогда в Грузии театральный вуз, приглашает 24-летнего Товстоногова преподавателем. «Уже в те годы я начал заниматься театральной педагогикой. Это было для меня очень важно, очень ценно. С одной стороны – плановая работа в театре, жесткие сроки, смета, в которую необходимо уложиться, с

другой – эксперименты, поиски со студентами, лабораторная работа... Мне самому это было полезно, многое дало: привило вкус к студийной работе, к долгим, порой изматывающим поискам единственно верного решения». Мэтрами грузинского театра стали его ученики М.Туманишвили, Г.Лордкипанидзе, Г.Гегечкори, М.Чахава, С.Канчели... А про Роберта Стура он говорил: «Так сказать, уже мой внук: его учитель – М.Туманишвили».

И именно его ученики лучше всего расскажут нам, каким был их преподаватель. Искусствовед Натела Урушадзе: «Он ничего не объяснял, он объяснялся в любви к театру. Он говорил о своей любви, как говорят о любимой женщине. Театр – это не аплодисменты, не зрительный зал. Это гражданское служение своему народу. Это выражение гражданских принципов. Так он говорил. Все мы были влюблены в него – и девочки, и мальчики. Это была влюбленность, которая приносит счастье». Режиссер Михаил Туманишвили: «Это была судьба, счастливая звезда, выпавшая на мою долю. Он открыл для меня и моих товарищей мир театра и его законы, научил нас ценить человека-актера». Режиссер Гига Лордкипанидзе: «Я был мальчишка, прямо из школы и с улицы. Товстоногов вернул меня к порядочной жизни, потому что сначала моя биография была довольно сложной. Для меня все стало ясно, когда я пришел в институт: я должен стать другим человеком. Он ко мне отнесся своеобразно: мол, знает мало, но с огоньком». Актриса Нелли Кутателадзе: «Всесторонне образованный, Георгий Александрович уже в молодости пользовался большим авторитетом, поразительно улавливал он характер каждого из нас – и к каждому находил особый подход. Он умел внушить веру в самого себя, что так важно для актера. Мы росли вместе с нашим молодым педагогом».

А это уже режиссер не театра, а кино, недавно ушедший от нас автор «Отца солдата» Резо Чхеидзе:

зе: «Мне кажется, что идеи Товстоногова повлияли на все развитие грузинского театра. Хотя он уехал из Тбилиси, там остались его ученики, в свою очередь воспитавшие учеников... Его опыт для нас не забываем и огромен. Я к театру не имею отношения, никогда в театре не ставил, но Товстоногову очень многим обязано и грузинское кино. Тенгиз Абуладзе и я развивали в кино его идеи. Мы с Тенгизом всегда хотели работать в кино, а когда Товстоногов ушел из института, это было последним толчком, чтобы перейти во ВГИК. Мы учились у него два курса. А потом решили: раз Товстоногова нет, не стоит тут учиться».

Казалось бы, в жизни Товстоногова все «на ура». Но, увы, ни у кого и никогда так не было. А особенно в те годы, на которые пришлось его молодость. Георгий учится на четвертом курсе, когда арестовывают его отца. Тот в 1937-м с женой и дочерью отправился в Москву, чтобы выяснить, почему «берут» невинных людей. В Ростове-на-Дону люди в форме ссаживают с поезда его самого, он успевает сказать дочке: «Дали прожить двадцать лет». Натела рассказывает «Он считал, что его арест связан с той должностью, которую он занимал в министерстве... Нас посадили в обратный поезд. Больше отца мы не видели. В квартире в Тбилиси был устроен обыск... Мы с мамой застали квартиру разгромленной». Георгия, конечно же, исключают из ГИТИСа, но именно в это время Сталин заявляет: «Сын за отца не отвечает». И Товстоногова-младшего восстанавливают в институте.

А о судьбе отца у его сестры был неожиданный разговор в Орджоникидзе, где во время войны она училась в медицинском институте. «Дочь врага народа» вызывают в «органы», и легко можно представить, с каким настроением она идет во внушающее ужас учреждение. Но в кабинете чекиста происходит неожиданное: «Он заговорил со мной об отце, несколько раз повторил, что сделал для него все возможное ради нас, в первую очередь, ради Гоги, которого ждет большое, очень большое будущее. «Я сделал все, что смог, – повторял он, – ведь маму вашу не арестовали, вещи не конфисковали... Я все сделал...» При чем здесь Гога? А дело в том, что этот чекист по фамилии Хурденко когда-то работал в одном из цехов тбилисского ТЮЗа. Девушка не понимает цель этого разговора, но в семье надолго поселяется уверенность, что ее глава жив, и даже может вскоре вернуться домой. «И никому не пришло в голову, – пишет Наталья Старосельская, автор книги о Товстоногове в серии ЖЗЛ, – что Хурденко, говоря о том, что сделал все возможное, имел в виду одно: Александр Андреевич был расстрелян сразу, в первые дни после ареста».

Нелегко приходилось в быту. Перед войной зарплата театрального режиссера была такова, что денег постоянно не хватало, так что продавали фамильные вещи. И когда еще не повзрослевшая Натела дарит кому-то из своих многочисленных друзей какую-то вещицу, брат говорит: «Ты – добрая девочка, любишь приносить людям радость, это очень хорошо. Но подумай о том, сколько я работаю, а денег все равно не хватает. Если бы продали эту вещицу, могли бы жить на эти деньги неделю... Понимаешь?» Конечно же, она поняла. И вот – уже ее воспоминание о племянниках, детях Гоги:

«Шла война. В это жуткое, голодное время у

нас оказалось двое малышей, которых надо было хорошо кормить, а достать в то время на рынке мясо было каким-то невозможным чудом! Но надо знать, что такое Грузия! Я продавала, меняла вещи так, чтобы каждый день у меня были деньги на 200 граммов мяса, и с этими деньгами шла на базар. «Пожалуйста, взвесьте мне 200 граммов мяса», – просила просто, никогда не унижаясь... И не было случая, чтобы мне отрезали столько, сколько я просила – никогда! Оттяпывали по 300, 400 граммов, и у Ники всегда была чашка бульона, а у Сандро вареное мясо».

После войны не все становится гладко с преподавательской работой – начинаются трения с высшим театральным авторитетом тогдашней Грузии Акакием Хорава. Тот узнает, то Товстоногов собирается организовать молодежный театр, забрать в него весь свой курс, а затем пополнять выпускниками театрального института. Эта идея рождается в высоких «инстанциях», но Хорава узнает о ней последним. И вот, Акакий Алексеевич закрывает после генеральной репетиции одни из лучших спектаклей Георгия Александровича «На всякого мудреца довольно простоты», требуя доработать его, но не делая конкретных замечаний. В комнатухе за кулисами происходит скандал, Хорава обвиняет режиссера-преподавателя в том, что тот действует за его спиной, и студенты слышат повышенный голос Гоги: «Я вам не мальчишка!» После этого Хорава стал назначать студентов в массовые сцены спектаклей руставелевцев, срывая тем самым занятия Товстоногова... Рушится и семейная жизнь – развод с актрисой Саломе Канчели, в которую Георгий Александрович влюбился, когда она была еще студенткой. Но вот, что интересно: спустя годы и с Хорава, и с бывшей женой он встречается, не поминая старого.

Приходит и недовольство собой как режиссером: «Наступает глубокое разочарование... Разочарование не в данном театре... Разочарование наступает в другом. Оказывается, что стремиться к тому идеалу, ради которого стоит служить искусству, невозможно. Оказалось, в этих новых условиях нужно учиться заново. Но чему?» Это – из неотправленного письма Владимиру Немировичу-Данченко. В сложные периоды жизни часто вокруг ярких личностей появляются недоброжелатели. Объяснение этого Нателой Урушадзе: «Вокруг талантливых людей всегда образуется кольцо завистников. Талантливые люди вызывают раздражение. А у Товстоногова был трудный характер. Он был очень правдивым, иногда до жестокости».

И тут, в апреле 1946-го, из Москвы приходит письмо от Константина Шах-Азизова. Создатель тбилисского ТЮЗа с 1933 по 1945 год был директором и художественным руководителем Грибоедовского театра, а потом возглавил Центральный детский театр. «Гога, дорогой! Зря ты впал в такое пессимистическое настроение, – пишет он. – ...Не волнуйся и спокойно работай. В обиду я тебя не дам...» А в июле – второе письмо: «Гога, дорогой! Итак, ты свободный гражданин! А может быть все это и к лучшему. Во всяком случае не унывай, ты еще молод, здоров, а это главное в нашей жизни. Поздравляю тебя с очередным успехом. Слышал, что ты поставил очень хороший спектакль. Молодец!.. Это на

В зените славы

прощание не плохо!.. Пусть тбилисцы тебя поминают по-хорошему!»

Сказать, что тбилисцы вспоминают Гогу по-хорошему – это ничего не сказать об их восторженном отношении к человеку, который в автобиографии признался: «В сорок шестом году я уехал из Тбилиси. Почему? Почувствовал, что скоро окажусь в тупике, что верчусь на месте, а не иду вперед. А без этого жить невозможно не только в театре! Я уехал, откровенно говоря, в никуда, в неизвестность».

В какую всемирную славу переросла эта неизвестность, говорить излишне. А о родном городе Георгий Александрович не забывал никогда. Послушаем еще раз Анатолия Гребнева: «А еще он был грузином, это уж без сомнения... Грузинское начало обладает какой-то магической заразительностью: вкусы, обычаи, артистизм, этикет... Вот и дом Товстоноговых-Лебедевых в Петербурге, со всегдашними, когда не придешь, гостями из Тбилиси, был и остался грузинским домом. Надо ли говорить, что здесь всегда болели за тбилисское «Динамо», когда оно еще существовало, – вот он, показатель патриотизма!»

И вполне естественно, что свое 50-летие Товстоногов отмечает в Тбилиси, на сцене Руставелевского театра. Что с любыми праздниками и ленинградцы стремятся поздравить его на грузинском языке. Что новый 1983 год руководимый им легендарный БДТ отмечает на фоне гигантской репродукции картины Пиросмани. И что один из самых знаменитых его спектаклей – «Ханума» об уникальном колорите старого Тифлиса. В телевизионной версии этой постановки за кадром звучит голос Георгия Александровича, читающего стихотворение Григола Орбелиани: «Только я глаза закрою – передо мною ты встаешь! Только я глаза открою – над ресницами плывешь!»

Это Гога – о своем любимом Тбилиси.

СПАСИБО ДЕДУ ЗА ПОБЕДУ!

■ Лана АДАМЯН

Благодаря поддержке Фонда «Русский мир» Союзом русской молодежи Грузии (председатель Александр Беженцев) с конца февраля и до середины мая были организованы мероприятия, посвященные празднованию 70-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне.

В годы Великой Отечественной войны, на фронт ушли более 700 тысяч жителей Грузии. Около 350 тысяч из них погибли, 167 участников войны из Грузии за мужество и отвагу были удостоены звания Героев Советского Союза. Последний грузинский Герой Советского Союза, получивший это звание в годы ВОВ, скончался в 2005 году – это был 86-летний Шота Шургая, военный летчик.

Мероприятия, связанные с празднованием 70-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов, необходимы для того, чтобы не потерять нашу историческую память и на фоне нынешнего информационного вакуума, напомнить и дать понять старшему и молодому поколению – для чего была эта война, что она означала конкретно для грузин и для народов Советского Союза в целом. Все мы обязаны чтить наших героев, проливших кровь в Великой Отечественной войне, чтобы сохранить нам будущее, мир и Родину! В первую очередь для увековечения памяти героев, сложивших голову в борьбе против фашизма, для того, чтобы в наших странах был мир! Героическое прошлое, которое нам оставили наши деды, следует беречь. У нас – общая история. Наши отцы, деды и прадеды, в свое время сделавшие свой моральный выбор, реально жертвуя своей жизнью, еще живы, они рядом с нами и мы должны показать им, что их завоевания в борьбе с фашизмом мы помним и храним как абсолютную истину. Это была их общая Победа, и сражались они за

Продуктовые посылки ветеранам

У памятника Неизвестному солдату

одну Отчизну против общего врага. Такое наследие наших прадедов, дедов и отцов, их общее героическое прошлое – огромная ценность. На нас лежит огромная ответственность – не растерять, не утратить, сохранить его! Уважение к историческому прошлому формирует чувство национальной гордости, учит любить Родину не только в дни побед, но и в моменты потерь и поражений. Именно поэтому историческая память является одной из основ национального самосознания и выражается в знании народом своей истории и своих героев, в верном восприятии прошлого своей страны, в следовании национальным традициям и общественным устоям. Поэтому тема Великой Отечественной войны – дело не только вчерашнего дня, но и будущего. И у нас общие герои!

В рамках проекта «Мероприятия, посвященные празднованию 70-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» были проведены следующие активизации:

– Открытые уроки мира на тему «Великая Отечественная война 1941-1945 годов» для учащихся школ гг. Тбилиси, Рустави, Марнеули, Болниси, Дманиси, которые вели сами ветераны ВОВ.

– Благотворительная акция: посещение ветеранов, вручение праздничных продуктовых наборов в гг. Тбилиси, Рустави, Марнеули, Болниси, Дманиси. Активисты СРМГ совместно с представителями других общественных организаций, около 30 ветеранам ВОВ доставили прямо по месту жительства продукты. Мы постарались выбрать наиболее остро нуждающихся ветеранов, и эта практика оправдала себя, так как с одной стороны было очень радостно смотреть на благодарность ветеранов и членов их семей, а с другой стороны было очень горестно наблюдать их бытовые и жилищные условия.

– Особенно важно было продолжить многолетние традиции и провести уборку территорий мемориалов и обелисков, где находятся братские захоронения погибших воинов ВОВ, мемориалы на Петропавловском, Кукийском кладбищах в г. Тбилиси, памятник воину-освободителю в с. Гантиади Дманисского района, мемориал в г. Рустави. Надо заметить, что состояние захоронений не везде одинаковое. Ряд могил находится в идеальном состоянии, за ними ухаживают, но есть и такие захоронения, которые не только в запущенном состоянии, но и на их территории появляются новые могилы и мемориалы, не касающиеся ВОВ.

– Активисты СРМГ, а также ветераны и лидеры различных общественных организации, приняли участие в автопоезде памяти по маршруту Тбилиси-Рустави-Дманиси. Как и все вышеперечисленные мероприятия, автопоезд памяти был организован в рамках проекта «Мероприятия, посвященные празднованию 70-ой годовщины Победы в Великой Отечественной войне». В течение пути были организованы остановки, во время которых прошли возложения венков, поздравления ветеранов, всем желающим было предоставлено слово. Надо отметить важность данного мероприятия, так как кроме основных целей и задач у участников представилась возможность на протяжении всего пути общаться и вспоминать своих близких участников ВОВ, петь военные песни.

– Центральным мероприятием в праздновании 70-й годовщины Победы в Великой Отечественной

Возложение цветов в Парке Ваке

войне стало возложение венка и поздравления ветеранов в тбилисском парке у могилы Неизвестного солдата, которое прошло непосредственно 9 мая, в день Великой Победы.

Союз русской молодежи Грузии в рамках проекта провел конкурс литературных сочинений среди русскоязычной молодежи. Проект прошел при финансовой поддержке Фонда «Русский мир».

С февраля 2015 года Союзом был объявлен конкурс литературных сочинений на тему «Победа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов». На конкурс было представлено более 50-ти работ не только из Тбилиси, но и из регионов Грузии: Квемо-Картли, Самцхе-Джавахети, Имерети и т.д. Было много работ из школ с обучением на грузинском языке. Надо отметить тот факт, что были получены конкурсные работы из-за пределов страны, в частности из Казастана.

Конкурс литературных сочинений прошел по 2 возрастным группам: с 12 до 16 лет и с 17 до 25 лет. Подведение итогов провело независимое, квалифицированное жюри.

Торжественное мероприятие и награждение призами и дипломами победителей конкурса литературных сочинений началось с приветственного слова председателя СРМГ А. Беженцева и председателя жюри М. Айдинова, руководителя Союза

русскоязычных журналистов Грузии.

Победителями конкурса в первой возрастной группе стали:

Гран-при – Пугач Владислав, 1 место – Асоян Александр, 2 место – Харченко Антон, а также жюри и руководство СРМГ приняло решение наградить 2 участников за 3-е место – Осепашвили Анастасию и Амброладзе Софику.

Во второй возрастной группе:

Гран-при – Бойко Анна, 1 место – Гарибян Анна, 2 место – Акоюн Светлана, 3-е место – Сафарова Гульнара и Бойко Ольга.

Организаторы не смогли оставить без внимания и авторов еще двух работ. По решению жюри, Юсубовой Лиане и Наморадзе Анне дополнительно были вручены специальные призы и дипломы (при финансировании СРМГ). Все участники, приславшие свои работы, получили дипломы за участие в конкурсе.

Председатель Союза русских женщин Грузии «Ярославна» – Алла Беженцева поблагодарила участников конкурса и отметила тот факт, что в каждом сочинении чувствовалась глубина уважения и почитания молодого поколения к своей истории и к героям Великой Отечественной войны. Победители конкурса отметили, что День Победы- это светлый праздник, и память о нем надо пронести через столетия.

Вечер продолжился праздничным концертом. Для гостей прозвучали стихи, песни военных лет, которые исполняли барды Игорь Малько и Элина Урумова, актер театра и кино Христо Пилиев.

Еще одним мероприятием, приуроченным к 70-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне, стал показ спектакля «Гетто» в постановке труппы Тбилисского государственного академического русского драматического театра имени А.С. Грибоедова (художественный руководитель А. Варсимашвили).

На все мероприятия были приглашены ветераны ВОВ, старшеклассники публичных школ, представители организаций российских соотечественников в Грузии, национальных диаспор и СМИ.

Завершением проекта стало проведение молебна в церкви Александра Невского, в память солдат погибших в ВОВ. В церкви присутствовали не только активисты СРМГ, которые принимали участие в проведение проекта на протяжении почти трех месяцев, но и русские и русскоязычные прихожане церкви.

Мы будем помнить подвиг, который совершили наши деды, их мужество, сила, самоотверженность всегда будут для нас примером. Мы не перестанем благодарить тех, кто отдал свои жизни за то, чтобы над нами было мирное небо, и тех, кому удалось выжить, несмотря на все тяготы и опасности войны.

СРМГ выражает большую благодарность Фонду «Русский мир» за поддержку, благодаря которой были проведены мероприятия, посвященные 70-й годовщине Победы.

Надо отметить, что благодаря Фонду, русская и русскоязычная молодежь и представители разных поколений Грузии, смогли столь масштабно и достойно, на протяжении трех месяцев, отметить 70-й летний юбилей Великой Победы, рядом значимых мероприятий.

Отдельная благодарность за поддержку Международному культурно-просветительскому союзу «Русский клуб» и агентству «РИА Новости Грузии», а также организациям российских соотечественников Грузии.

КУХНЯ ПРОГРАММИРОВАНИЯ

■ Яна ИСРАЭЛЯН

IX Олимпиада по программированию на Кубок Ильи Векуа прошла в Тбилиси в апреле. В интеллектуальном соревновании принимали участие молодые программисты из Грузии, России, Украины, Азербайджана.

Олимпиада проходила одновременно на нескольких площадках в разных городах – в Тбилиси, Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Виннице и Харькове. Программисты в течение двух дней соревновались в решении задач. В первый день турнир проходил в командном зачете, во второй – в индивидуальном. Всего в командном туре Кубка Векуа приняли участие 142 команды, в личном – 186 участников. По словам организаторов Олимпиады, оба результата стали рекордными за все время проведения Кубка.

Победителем IX Кубка Векуа стала российская команда «Moscow SU Tapirs», представляющая МГУ – она выиграла командный контекст. В индивидуальном зачете первое место занял Михаил Тихомиров из Московского физико-технического института. Он участвовал в Олимпиаде и в прошлом году, и тоже выиграл индивидуальный турнир, но тогда Михаил включился в соревнование в онлайн-режиме, с московской площадки.

«В этом году я приехал сюда в качестве тренера нашей команды, но мне разрешили поучаствовать и в индивидуальном зачете. На всех площадках много сильных участников, с которыми интересно соревноваться. Ну и задачи были высокой степени сложности, интересные. В Грузии, как я понял, достаточно сильная школа программирования. Команды грузинских школьников обычно хорошо выступают на международных олимпиадах. Мы нередко встречаемся на разных турнирах, поэтому знакомы друг с другом. Периодически общаемся в специализированных интернет-сообществах», – рассказывает Михаил.

Из грузинских участников выделилась команда Свободного университета (Tbilisi FreeUni Halloween хор Christmas) – она получила специальный приз имени Е.Панкратьева как лучшая команда Южного Кавказа. Этот приз учрежден Посольством РФ в Грузии. Но после 2008 года поддерживается семьей Евгения Васильевича Панкратьева, профессора МГУ, сделавшего очень много для развития фундаментального программирования не только в России, но и в Грузии. Особо следует отметить, что сыновья Евгения Васильевича (сам он трагически погиб в январе 2008 года) считают своим долгом и изыскивают возможность прибыть лично на каждую олимпиаду на Кубок Векуа для вручения приза имени своего отца.

Георги Сагинадзе, также представляющий Свободный университет, удостоился приза им. Ж.Шартава за

В аудитории

лучший результат среди грузинских участников, принимавших участие в индивидуальном контексте. Надо сказать, что Жиули Шартава – является нашим коллегой. Он защитил кандидатскую диссертацию по проблематике, которая расположена на стыке экономики и информатики. Не случайно, одним из рецензентов работы был Гамлет Меладзе. Учредителем этого спецприза является Министерство образования и культуры Абхазии. Это символично, учитывая то обстоятельство, что сам И.Н. Векуа родом из Абхазии (с.Шешелети Гальского района).

Георги Сагинадзе уже четвертый раз участвовал в Олимпиаде. По словам молодого программиста, победить было нелегко: «Задачи тут всегда сложные. Чтобы их разгадать, нужны большие знания и опыт – не только в программировании, но и в математике, физике и других областях. Сфера программирования у нас развита неплохо. Уровень студентов все повышается и повышается».

Например, в этом году наша команда (Свободного университета) вышла в финал чемпионата мира по программированию, куда попадают представители 120 топ-вузов со всего мира. Если учесть, что Свободный университет в мировом рейтинге вузов на 5 000-ом месте, то когда попадаешь в число 120-ти лучших – это большое достижение. К слову, это второй случай выхода в финал представителя Южного Кавказа за все время проведения финалов ЧМ среди вузов. Предыдущее участие представителя Южного Кавказа в финале имело место в 2009 году. Тогда команда Тбилисского государственного университета (Ника Джимшелеишвили, Эльдар Богданов, Георгий Леквеишвили) заняла 11-ое место и завоевала бронзовые медали».

В церемонии закрытия, которая проводилась в последний день Олимпиады, участвовал внук легендарного грузинского математика, профессор Тбилисского государственного университета, Илья Тавхелидзе:

«Я рад, что девятая по счету Олимпиада проходит в стенах родного для Ильи Несторовича университета. Надеюсь, что десятый, юбилейный год удастся справить более широко и масштабно снова в Тбилисском Государственном университете. Особая радость в том, что в этот раз соревнования прошли на площадках городов, которые в некотором роде являются родными для моего деда – Новосибирске, Москве, Санкт-Петербурге. Я очень рад, что идя навстречу желаниям наших коллег, удалось организовать соревновательные площадки в

Украине (Винница, Харьков)».

Организаторами IX Кубка Векуа по программированию 2015 года стали Министерство по делам спорта и молодежи Грузии, Грузинское агентство инноваций и технологий, Министерство образования и науки Абхазии, Ассоциация поддержки программирования (Грузия), а также ряд ведущих вузов России, Украины и Грузии. На задачах командного и индивидуального контеста Олимпиады был проведен весьма представительный Московский фестиваль спортивного программирования при поддержке mail.ru, также посвященный памяти И.Н. Векуа.

«Кубок Векуа считается одним из престижных турниров в мире программистов», – говорит его бессменный директор Темур Заркуа. Два года подряд победитель Олимпиады в командном зачете становится впоследствии чемпионом мира.

«Официального рейтинга среди международных турниров нет. Но есть неформальный. Когда победитель того или иного соревнования становится впоследствии чемпионом мира, это говорит о высоком уровне участников», – отметил Т.Заркуа.

Впервые Кубок Векуа прошел в 2007 году. Олимпиада прошла одновременно в Батуми и Новосибирске. В разные годы хозяевами интеллектуального турнира становились Грузинский технический университет, Грузинский университет им. Святого Андрея Первозванного, Батумский государственный университет, Кутаисский

Перед соревнованием

университет им. Акакия Церетели. В этом году Олимпиада впервые была проведена на базе Тбилисского государственного университета.

Идея провести Кубок Векуа принадлежит Гамлету Варламовичу Меладзе. О том, с чего все начиналось, рассказывает Темур Заркуа:

«В 2006 году мы с Гамлетом Варламовичем были в Москве, наша команда участвовала в открытом Чемпионате Москвы (кстати, отлично выступила, заняла третье место). Тогда мы с коллегами договорились организовать Кубок Векуа. С тех пор Олимпиада проходит каждый год. Несмотря на небольшое финансирование, соревнованию удается поддерживать высокий уровень. Бывали годы, когда проведение турнира стояло на грани, но даже с минимальными финансами мы смогли провести его».

Организаторам нового турнира приходилось решать много деталей, без учета которых его проведение было бы невозможно. Одна из проблем – согласование сроков. «Олимпиада Векуа – такое масштабное мероприятие, что надо обговорить все мелочи, – рассказывает Т.Заркуа. – Нелегко новый турнир «посадить» в уже существующий календарь международных турниров – он и так достаточно загружен. На это уходит немало времени. Проблема в том, чтобы не пересечься с другими подобными турнирами. Речь о локальных мероприятиях. Например, в Азербайджане и Украине перенесли местные Олимпиады, чтобы принять участие в нашей. С другой стороны, бакинцы просили не проводить Кубок Векуа в мае – они в это время готовятся к европейским играм, которые пройдут в Баку в июне. Поэтому мы назначили на апрель. Так коллегиально и действуем в течение всех этих лет».

Олимпиада имеет международный статус, поэтому основное соревнование – командное (команды по три человека). Но оргкомитет решил проводить в рамках фестиваля и индивидуальный турнир.

По словам председателя жюри, руководителя направления информатики в Университете им. Святого Андрея Первозванного, Гамлета Меладзе, Кубок Векуа входит в реестр международных Олимпиад, и его результаты записываются в общий рейтинг участников. Он рассказал, как проходит соревнование:

«Тут все, как в большом спорте – не только победитель, но и участник соревнования зарабатывает очки. Сама Олимпиада по программированию проходит так: участник решает задачу (то есть находит путь решения, составляя алгоритм, пишет программу) и отправляет ее. Потом она проверяется путем тестирования. Учитываются разные критерии – например, сколько времени было

Награждение победителей

потрачено на решение и другие. Задача проверяется на несколько тестов – их обычно около 20. Если она проходит все тесты, то засчитывается как решенная. Например, в последний конкурсный день было 11 задач, и одна из московских команд решила все 11. Такое очень редко бывает».

Г.Меладзе коснулся и вопроса обучения программированию. По его словам, в школах Грузии этой дисциплине уделяется недостаточно внимания:

«Если учитывать то, что у нас в школах нет такого предмета, как информатика, она у нас еще неплотно развита. Как можно, чтоб в XXI веке в школах не преподавали информатику? Во всем мире программированию уделяется большое внимание. Специалисты этой области сегодня нужны. Многие студенты, еще учась, начинают работать по профессии. Во многих странах с третьего класса в школах проходят этот предмет. У нас же есть только факультативные курсы в некоторых школах.

В Грузии сегодня программированием занимаются максимум 150 школьников. Это студия «Мзиури» и еще несколько кружков. Из этих 150 человек набирают наиболее сильных. Из них составляют команды, которые потом принимают участие в чемпионатах мира среди школьников. Многие из этих школьников впоследствии продолжают обучение в зарубежных вузах. Поэтому нашим

вузам приходится начинать обучение программированию с нулевого уровня. Отсюда и проблемы с комплектованием команд для участия в соревнованиях цикла Чемпионата мира по программированию среди вузов. Тем не менее, наши команды стабильно занимают ведущие позиции в масштабах Южного Кавказа. Иногда им удается войти в число лучших в мире. Например, в 2009 году команда из Грузии завоевала бронзовые медали на первенстве мира по программированию.

Если рассказать, как они готовились, многие не поверят – ребята занимались на кухне у Темури Заркуа, который тренировал их тогда. Большие университеты не жалеют денег на сборы, на приглашения тренеров – делают все для подготовки своих выпускников для участия в таких престижных соревнованиях, как чемпионат мира. А Т.Заркуа приглашал домой студентов и занимался с ними у себя на кухне. Несмотря на такие условия, наши ребята заняли призовое место.

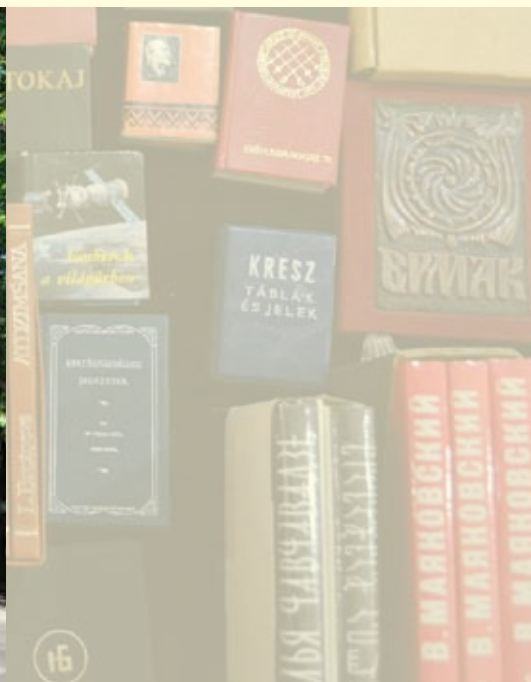
Состав жюри Кубка Векуа меняется каждый год – бывают представители из Москвы, Санкт-Петербурга, Тбилиси и других городов. «Обычно видна внешняя составляющая турнира. А наиболее существенная часть – это задачи, – объясняет Т.Заркуа. – Их нужно подобрать, проверить, отсортировать. Это делается совместно. Я, как директор, координирую

этот процесс. В этот раз задачи для командного конкурса составили коллеги из Санкт-Петербурга, для индивидуального – мы с москвичами».

Как правило, каждый год в Олимпиаде участвуют одни и те же страны, однако в последние годы намечилось расширение «географии» турнира – побороться за Кубок Векуа на предыдущих двух олимпиадах приезжали программисты из Анкары (Турция).

«В основном, к нам приезжают из стран постсоветского пространства. Из Армении и Украины в этом году приехать не смогли, но украинцы открыли площадки у себя в Виннице и Харькове, и принимали участие в Олимпиаде оттуда. Не смогли приехать и представители Турции, но они обещали участвовать в следующем году. А вообще, надо сказать, на Кубок Векуа приезжают одни из сильнейших команд. Когда сильные игроки, приглашенные одновременно на несколько чемпионатов, выбирают наш турнир, это о многом говорит», – подчеркнул Т.Заркуа.

Несмотря на то, что соревновательные площадки Кубка Векуа ежегодно организуются и в городах России, к нам всегда приезжает хотя бы одна команда из РФ. Это подчеркивает отношение коллег к мероприятию и степень уважения как к памяти выдающегося математика и организатора науки И.Н. Векуа, так и к коллегам из Грузии.

Литературный музей Грузии

ЛИТЕРАТУРНАЯ КЛАДОВАЯ ГРУЗИИ

■ Ирина КАНДЕЛАКИ

Сразу два памятника Георгию Леонидзе стоят в центре Тбилиси – на расстоянии не более 200 метров друг от друга. На невысоком пьедестале – писатель как бы врос в родную землю – мощная, волевая фигура, обращенная в сторону Куры и Сухого моста, где пестрит коврами, картинами и всякой мишурой блошинный рынок, и, кажется, что классик внимательно наблюдает за этим людским водоворотом, подбирая сочные эпитеты для описания живых картинок. Второй памятник – аристократически изыскан, некогда резиденция губернатора князя Барятинского, а ныне – храм культуры, где при особых условиях хранятся рукописи, книги, рисунки, автографы, записные книжки, дневники, фотоснимки и личные вещи грузинских писателей нескольких поколений – бесценная кладовая духовного наследия, музей литературы, к созданию которого в огромной степени причастен его первый директор Георгий Леонидзе. Неслучайно с 1967 года Государственный музей грузинской литературы по праву носит имя автора «Древа желания», ибо благодаря его целеустремленности и энергии музей приобрел нынешний высокий статус.

«Крестным отцом» же литературного музея можно считать Александра Сергеевича Грибоедова. В Тбилиси, в 1929 году отметили столетнюю годовщину его гибели в

Тегеране. В церкви Святого Давида на Мтацминда, где тогда находились некоторые архивные материалы грузинских классиков, была открыта обширная выставка, посвященная Грибоедову. Экспозиция получилась настолько удачной, что жаль было вновь «ссылать» уникальные экспонаты, в том числе личные вещи автора «Горя от ума», в хранилище. Поэтому выставку решили сделать постоянной. В течение года выдающие деятели культуры того времени, Тициан Табидзе и другие поэты, входящие в объединение «Голубые роги» вели переписку с властями с просьбой оказать помощь в организации нового музея. Одним из самых активных инициаторов создания Мтацминдского музея литературы был видный деятель Д.Арсенишвили, достаточно сказать, что его имя связано с основанием Театрального музея в Тбилиси и музея Андрея Рублева в Москве. Датой основания Литературного музея на Мтацминда рядом с Пантеоном выдающихся деятелей Грузии считается 1930 год. На Святой горе музей просуществовал восемь лет, а потом ему выделили другое помещение. Музей и поныне занимает здание бывшей резиденции губернатора Закавказья князя Барятинского.

Фонды музея подразделяются на несколько отделов – рукописи, книги, иконография, мемориальные

библиотеки – то есть книги из собрания писателей, часто с их пометками на полях – они представляют значительный интерес для науки. Сегодня в запасниках и на выставочных площадях музея хранится почти 160 тысяч экспонатов. Впечатляют размеры музея – его площадь составляет 2 324 кв. м., из которых – 442 кв. м. приходится на выставочные залы.

Основные фонды рукописей классиков литературы XIX-XX веков – И.Чавчавадзе, А.Церетели, Н.Бараташвили, Д.Чонкадзе, А.Орбелиани, Д.Клдиашвили, Н.Николадзе, С.Месхи, Д.Кипиани, Р.Эристави, В.Пшавела, Т.Табидзе, Г.Табидзе, М.Джавахишвили и других выдающихся писателей и поэтов составляют более 130 тысяч экземпляров. Фотоматериалы насчитывают 27 тысяч документов, собрание живописных полотен и графики – более 2 тысяч экспонатов. В фондах музея хранятся замечательное четвероевангелие XII в., философско-религиозные работы XVII-XVIII вв., мемуары и рукописи, редкие аудио- и видеозаписи, мебель, одежда, семейные реликвии выдающихся писателей и поэтов, прежде всего, Грузии. Например, паспорт Акакия Церетели, кинжал и щит Важа Пшавела, фотоальбом Ильи Чавчавадзе, карманная подзорная труба Грибоедова, украшенная бирюзой и множество других реликвий.

Директор музея Л.Бакрадзе и министр культуры Грузии М.Гюргадзе

Первое, что бросилось в глаза в здании музея – детские рисунки, ими было увешано несколько просторных залов – копии работ Нико Пиросмани, выполненные старательной детской рукой, лопухие слоники, Нацаркекия и прочие герои грузинских сказок. А рядом, в соседних залах – старинные портреты, музейные витрины, увы, пустующие – экспонаты, извлеченные из архивов и запасников, попадают под стекло только во время выставок. Удивляться подобной эклектике не приходится – в музее постоянно проводятся разнообразие мероприятия. Но постоянной экспозиции музей не имеет. Зато в его залах регулярно проходят выставки. Организуются литературные встречи и вечера, кинопоказы экранизаций литературных произведений. Также музей предоставляет свои помещения театральным коллективам. Здесь можно увидеть поделки народных умельцев, послушать старинные романсы и познакомиться с творчеством фольклорных коллективов. Здесь постоянно отмечают юбилейные даты знаменитостей и даже проводят экстравагантные перформансы. Словом, музей живет совершенно особенной, насыщенной жизнью, далекой от стереотипного представления, что музей это – тишина, стабильность, академизм.

Деятельность музея литературы подразделяется на три ведущих направления: научные исследования, культурно-просветительская и издательская работа. Музей шагает в ногу со временем – имеет свой сайт и представлен на фейсбуке. В настоящее время уже полностью оцифрован фотоархив музея.

Как и положено настоящему интеллигенту, музей испытывает перманентные денежные трудности. Напряженная духовная жизнь здесь неотделима от поисков дотаций, поэтому неудивительно, что на сайте висит объявление о том, что сдаются площади, а рядом приписка – «рестораторов просьба не беспокоиться – музейные архивы не вынесут чада и жара кухни». Прочитав, такое объявление язык не повернулся задать вопрос о проблемах. Поэтому беседа с директором Литературного музея имени Георгия Леонидзе, доктором исторических наук, профессором Университета Ильи Лашей Бакрадзе началась с нейтрального вопроса:

– Какие мероприятия прошли в музее в последнее время, что готовите нового?

– В конце апреля нынешнего года экспонировали все, что связано с именем Георгия Леонидзе. Осенью подготовим обширную выставку, посвященную юбилею Тициана Табидзе. В прошлом году многие посетили выставку «Голубые роги» – эта тема, посвященная блистательной плеяде поэтов, поистине неисчерпаемая.

В перспективе задумали устроить передвижную выставку с плакатами и изданиями произведений Акакия Церетели. Кстати, именно у нас хранится первый грузинский полнометражный документальный фильм «Путешествие Акакия Церетели в Рача-Лечхуми».

Режиссер и оператор Василий Амашукели запечатлел путешествие великого поэта в регион Рача-Лечхуми с 21 июля по 2 августа 1912 года. Всего он отснял порядка 1500 метров пленки, из которых до наших дней дошло немногим более четырехсот. Но и эти кадры дают яркое представление о том, с какой любовью встречали люди поэта, а также судить об укладе жизни в грузинской провинции, природе тех мест. Общественность Грузии отметила столетие фильма: именно с этой ленты берет начало национальный кинематограф. Некоторые эксперты даже полагают, что картина «Путешествие Акакия Церетели в Рача-Лечхуми» является вообще первым в мире документальным фильмом.

– Существует соперничество между вашим музеем и другими институтами, имеющими богатые фонды?

– Нет. Мы делаем общее дело – это главное. Не так давно совместно с Домом писателей – его директор Наташа Ломаури раньше работала в нашем музее – провели первый Международный литературный фестиваль. Наши фонды открыты для всех научных работников. К нам приходят за материалами сотрудники Института грузинской литературы имени Шота Руставели, Национального центра рукописей, Национальной библиотеки. Частые посетители нашего музея – преподаватели и студенты Академии художеств, сотрудники других музеев, в частности, кинематографии, различных домов-музеев.

У нас прочные контакты с Институтом Гете, British Council in Georgia, с различными посольствами и общественными организациями. Например, с «Колга Тбилиси Фото» устраиваем совместный фотофестиваль. Наша мечта чаще приглашать писателей с читками, чтобы люди были в курсе современных литературных тенденций.

– Насколько ваш музей посещаем?

– Ежедневно, кроме воскресенья и понедельника, наш музей открыт для посетителей. К нам постоянно приходят на экскурсии школьники, студенты, гости столицы. Плата минимальная. Некоторые учителя литературы водят к нам детей на протяжении нескольких десятков лет. Хотелось бы, чтобы студенты заглядывали почаще. Мно-

гие наши мероприятия ориентированы на молодежную аудиторию. Когда мы устраиваем читки или вечера – вход вообще бесплатный. Наша цель добиться популяризации – с одной стороны музей серьезный научный центр, а с другой – очаг культуры. Мы готовы сотрудничать с самыми разными организациями и частными лицами. Недавно впервые принимали группу популярных немецких писателей, считаю большим успехом, что сумели познакомить грузинскую общественность с их творчеством. Хотелось бы, чтобы такие встречи стали постоянными.

– Раньше мы читали толстые журналы – были в курсе новинок. Теперь образовался некий вакуум, люди испытывают литературный голод.

Канци

– Я не согласен с такой позицией в принципе, исчезли толстые журналы, но все можно найти в интернете, стали доступнее электронные книги. Другое дело, что для людей в возрасте это – проблема. Конечно, нам всем привычнее и приятнее читать печатные книги. Радует, что за последние десять лет наметился явный прогресс на грузинском книжном рынке. Грузия является приятным исключением, на Южном Кавказе в плане издания книг – полная стагнация. У нас хорошо обстоят дела с переводами, издается много новинок. Ну, и мы со своей стороны стараемся. Издаем, не побоюсь высоких эпитетов, книги – уникальные.

– Откровенно говоря, в вашем кабинете, господин директор, трудно вести себя прилично и «не рыскать по полкам жадным взором».

Хозяин кабинета широким жестом указывает на стеллажи с изданиями литературного музея. Своей типографии у музея нет, но это не мешает издавать книги, радующие глаз. Что и говорить, музейный «самиздат» впечатляет не только разнообразием содержания, но также превосходным дизайном. Самым главным является то, что издавая книги, сотрудники музея знакомят читателей с музейными фондами.

– Издания музея несколько отличаются от обычных сборников. В этих академических изданиях содержатся не только «канонические» тексты, но и их различные варианты, наброски, отдельные фрагменты рукописей, черновики, заметки, письма, дневники. Разумеется, сборники снабжены комментариями и богатым иллюстративным материалом, – рассказывает Лаша Бакрадзе. – В числе подобных изданий – сочинения Ильи Чавчавадзе, двухтомник Акакия Церетели, переписка братьев Разикашвили и др. В пятитомник – самое полное издание произведений и наследия Григола Робакидзе вошли его письма, которые передала музею младшая сестра последней музы писателя Гиты фон Штрахвитц. В Германии

я встречался с фрау Гитой, она была уже в преклонном возрасте и пообещала, что родственники после ее кончины передадут Грузии письма Робакидзе. При жизни расстаться с письмами она категорически отказалась. Ее отношения с Робакидзе длились два года, до самой смерти писателя.

Когда они встретились, фрау Гите было около 30, ему – почти 80. Это был классический роман в письмах, Робакидзе жил в Женеве, она – в Вене. Письма писателя полны нежности, но, в то же время, в них затронуты самые разные темы – Робакидзе излагает свои взгляды на философию, историю, изотерику. Некоторые письма были знакомы исследователям, поскольку Григол Робакидзе имел обыкновение делать копии своих бумаг. Но часть архива фрау Гиты раньше нигде не публиковалась. Вот этот бесценный дар и украсил издание музея.

– Академические издания интересны, в первую очередь, исследователям, литературоведам.

– Не только. Буквально за несколько дней смели с прилавков книгу Резо Табукашвили. Огромный интерес вызвал дневник Иосифа Мчедlishvili о 20-х годах прошлого века. Широкие круги читателей заинтересовались записями Маро Макашвили, погибшей при аннексии Грузии, мемуарами Отиа Пачкориа, Тезо Сацохиа, рассказывающие о ссылке в Сибирь в царское время. Вообще мемуары и дневники пользуются большим спросом. Нами издана также серия биографий писателей. Не могу не отметить нашу новую серию об абхазских писателях, которую начали с творчества Лакербая.

Для любителей авангарда прошлого века представ-

Собрание сочинений Григола Робакидзе

ляют интерес репринты двадцатых годов: «H2SO4» – повторяет издание 1924 года футуристов-лефовцев, репринт «Софии Георгиевне Мельниковой Фантастический кабачек Тифлис 1917, 1918, 1919». Софья Мельникова читала стихи на вечерах авангардистов. В сборник вошли произведения Ильи Зданевича, Алексея Крученых, Нины Васильевой, Татьяны Вечерки, Важа Пшавела, Григола Робакидзе, Тициана Табидзе, Паоло Яшвили, Василия Катаняна, Игоря Терентьева, Александра Чичикова и других поэтов. Тексты книги набраны на русском, грузинском и армянском языках. Иллюстрации Александра Бажбеук-Меликова, Сигизмунда Валишевского, Кирилла Зданевича, Ладо Гудиашвили, Натальи Гончаровой.

Изыски авангардистов не могут никого оставить равнодушными – спектр восприятия от восторга до возмущения – в зависимости от вкусов и пристрастий.

Между тем, батони Лаша продолжает демонстрировать свои издания:

– Вот, обратите внимание на книжку «Фунагории», в

Издания Литературного музея

которой собраны эпиграммы, шаржи, забавные миниатюры авторов эпохи объединения «Голубые роги».

А вот еще одно наше удивительное издание – сборники литературных журналов, выходивших в Грузии в начале прошлого века. И в свое время они были достоянием узкого круга людей, а теперь о них знают только специалисты. Так что эти четыре тома – замечательный подарок для исследователей и ценителей периодики. В первый сборник вошли журналы с 1913 по 1918 годы – «Голубые роги», «Сафирони», «Леила», «Прометэ», «Аиси» и др. Второй сборник включил в себя литературную периодику с 1919 по 1922 годы: «Кроникис саркэ», «Швилдосани», «Хомалди», «Илиони», «Ломиси» и др. В третьем и четвертом сборниках издания с 1924 по 1927 годы, в которых представлены, в частности, «Кавкасиони» и «Ахали Кавкасиони», «Галактионис журнали», «Литература да схვა», «Шемокмеდი», «Арифони» и другие журналы.

Директор указывает на стопку нарядных томов с золотым теснением. Тут комментарии излишни – 26 фолиантов, вместивших жизнь и творчество Галактиона Табидзе. Это издание – предмет особой гордости сотрудников музея.

– Тема Галактиона в контексте деятельности нашего музея особенная. У нас хранятся самые большие фонды наследия Галактиона, подавляющее большинство его рукописей, бумаг, записей, фотоснимков. Это, действительно, уникальное и самое полное его собрание записок, дневников, замечательных рисунков поэта, в которое вошли даже самые маленькие, начертанные на отдельных листах его автографы. Подробные комментарии сделаны сотрудниками нашего музея. Много лет посвятила изучению творческого наследия Г.Табидзе сотрудник музея Тейя Твалавадзе, большую работу провела при подготовке издания руководитель фонда рукописей Марина Кипиани, заведующая отделом иконографии Нана Кобаладзе, заведующая мемориальной библиотекой Ия Гадуа. Прекрасно потрудились наши реставраторы. Практически все сорок сотрудников музея принимали участие в издании. И что интересно – его нельзя считать завершенным, потому что нет-нет да всплывают новые сведения, натываемся на новые свидетельства о жизни и творчестве великого поэта. Мы также можем гордиться нашим сайтом galaktion.ge. Сайт о Галактионе Табидзе превосходит все другие сайты, посвященные знаменитостям Грузии, подчеркиваю, не только писателей, но деятелей во всех областях. Создавая сайт, мы учитывали интересы, как поклонников поэзии Галактиона, так и

многочисленных исследователей его творчества. Интернет дает огромные технические возможности, скажем, можно определить, сколько раз использовал поэт в своих произведениях то или иное слово.

– Расскажите, пожалуйста, о последних приобретениях музейного собрания.

– Прямые потомки писателя ШИО Мгвимели (Кукучашвили), скончавшегося в 1933 году, недавно передали нам его архив. Буквально, месяц назад сын Вахтанга Челидзе подарил музею архив писателя. Мы очень благодарны этим благородным людям. Или еще случай. Вообразите, какое мы испытали потрясение – иначе не назовешь, когда совсем недавно тбилисская учительница преподнесла музею в дар дневник Важа Пшавела. Долгие годы дневник хранился в ее семье – отец дружил с сыном Важа Пшавела. И вот теперь по-настоящему интеллигентная женщина, понимая, что такой документ не должен находиться дома, принесла его в музей, где он будет сохранен на века. К сожалению, очень многие наши соотечественники рассуждают по-другому. Можно понять, если родственники или случайные обладатели литературного наследия просят за свои реликвии деньги, – время тяжелое. Иногда, к сожалению, мы не имеем возможности приобрести документы, но в большинстве случаев изыскиваем средства. Но часто бесценные рукописи, дневники, книги писателей пропадают из-за безалаберности людей. Вопреки знаменитой фразе о том, что рукописи не горят, они гибнут и в огне, и в воде, теряются при переезде, и – что особенно больно – оказываются на свалке после смерти владельцев. Новые хозяева начинают избавляться «от хлама», выбрасывая чьи-то никому не нужные бумажки. Увы, таких случаев много, утрата литературных архивов – насущная и болезненная проблема.

– Многие ценности теперь выставляются на электронные торги. Насколько интернет-аукционы способствуют утечке писательских архивов за рубеж?

– Не скажу, что это серьезная опасность – не настолько на западе интересуются нашими ценностями. Какая-то толика рукописей, возможно, и продается в западных научных центрах или в частных коллекциях, а вот осевшие на родине в частных руках архивы – большая проблема.

– На сайте музея в фейсбуке появилось замечательное фото миниатюрного рога.

– Это дар кутаисцев. Из содружества «Голубые роги» первым ушел из жизни совсем еще молодой Шалва Кармели. Его родственники хранили у себя все эти годы малюсенький рог, длиной всего в четыре сантиметра. Это один из тех рогов, с которыми члены легендарного объединения читали стихи в Кутаиси. Мне всегда было интересно посмотреть на эти роги. И вот, наконец, увидел своими глазами. Теперь он хранится в нашей коллекции.

– В вашем музее богатые русские фонды. Поддерживаете контакты с российской стороной?

– У нас в музее прошла замечательная двойная экспозиция: редкие фотографии Пастернака были выставлены на первом этаже, а на втором проходила выставка, посвященная «голубороговцам», с которыми Пастернака связывали дружеские отношения. На выставке были представлены из фондов нашего музея письма Пастернака, адресованные Паоло Яшвили, Тициану Табидзе и его жене Нине Александровне, а также рукописи переводов стихотворений «Малтаква» Паоло Яшвили и «Автопортрет» Тициана Табидзе.

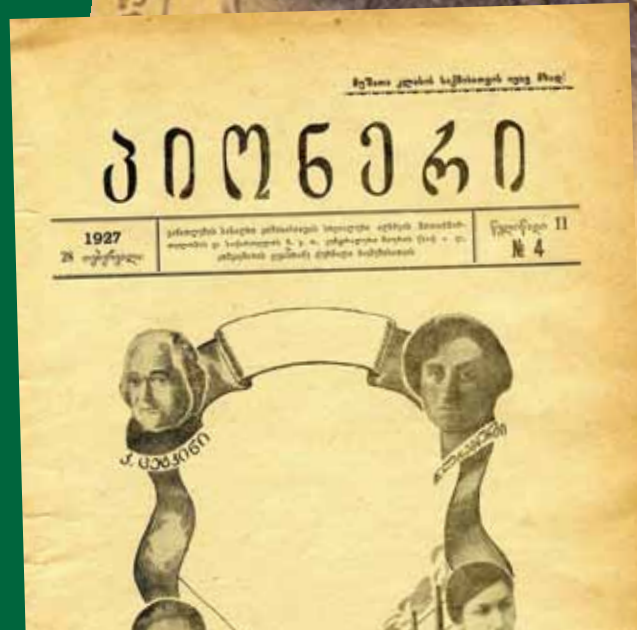
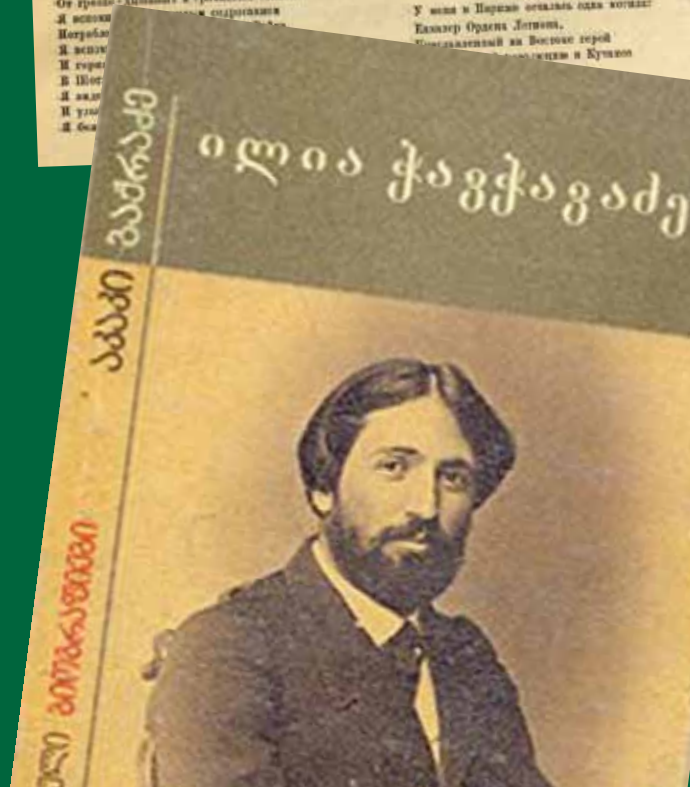
А в прошлом году в доме-музее Пастернака в Переделкино проходила выставка, на которую из фондов нашего музея отобрали письма поэта и его малоизвестные фотоснимки. На той же выставке нашими экспонатами также были представлены материалы о Тициане Табидзе и других грузинских друзьях Бориса Пастернака. Из книжных новинок на днях получили замечательный сборник Галины Цуриковой «Жизнь и поэзия Тициана Табидзе», изданный в Санкт-Петербурге в 2015 году.

Недавно в «Русском музее» в Петербурге прошла выставка Василия Шухаева, долгие годы жившего и работавшего в Грузии, наш музей был представлен одиннадцатью портретами грузинских писателей работы этого выдающегося художника. Сейчас ожидаю каталог этой выставки.

Кстати в кабинете Лаши Бакрадзе висит портрет Константина Гамсахурдиа работы Василия Шухаева, но, к сожалению, в фондах нет ничего из литературного наследия К.Гамсахурдиа, поскольку весь архив находится в доме-башне писателя, а его наследники отказываются вести переговоры о передаче рукописей в музей.

– И все-таки, батоно Лаша, когда же музей порадует постоянной выставкой?

– Надеюсь, что постоянная выставка появится к 2020 году. Раньше не получится. Во-первых, нужна концепция – нас не устраивает изживший себя метод, бытовавший в советскую эпоху. В XXI веке методика музейных выставок шагнула далеко вперед. Хотелось бы взять на вооружение опыт европейских музеев. Тот же Литературный музей в Марбахе, на родине Шиллера, может служить образцом для подражания, или выставки литературных наследий в Голландии. Наши коллеги в Армении уже создали достаточно современную постоянную экспозицию, когда как в Киеве – она по-прежнему представлена по советскому подобию. Во-вторых, как, нетрудно догадаться, для воплощения прогрессивных идей нужны немалые средства. В Министерстве культуры поинтересовались, сколько же нам надо денег. Мы назвали примерную сумму. В ответ – обещали выискать финансы. Так что мы надеемся, что лет через пять наш музей, наконец, сможет открыть постоянную выставку и показать в полном объеме свои богатства.

Нодар Палиашвили

КЛУБ КИНОПУТЕШЕСТВИЙ

Нодара Палиашвили

■ Владимир САРИШВИЛИ

Он снимал египетскую плотину с летящего вертолета – без страховки. Он трижды взбирался на пирамиду Хеопса – а ведь никто из тысяч и тысяч туристов ни разу не залезал на эту высоченную из пирамид, тем более с кинокамерой, аккумулятором и кассетами, весом более 10 килограмм!.. Также трижды «оседлал» Нодар Палиашвили макушку телебашни на фуникулере – чтобы панорама Тбилиси получилась вот такой – развернутой – как на фотографии. Он прошел все четыре войны с кинокамерой в руках, сам был ранен, но свое «всевидящее око» донес целым и ненадртеснутым.

Родной племянник великого Захария Палиашвили, профессионал высокой пробы, выброшенный из привычного жизненного и рабочего ритма – «за ненужностью» – он был вынужден развозить иностранцев, поджидая «их сиятельства» в тени мцхетских рощ и в дремоте «проверчивая» калейдоскоп своей непростой, но яркой биографии – «кругосветки». Судьба подарила Нодару Палиашвили множество интереснейших содружеств и сотрудничеств, с личностями яркими и небезызвестными просвещенной мировой общественности. А также – экзотические вояжи, следы которых в виде заспиртованных рептилий и диковинных сувениров, заполняют внешний и внутренний интерьер городской квартиры Нодара Палиашвили и его симпатичнейшей супруги Надежды, мастерицы по части постановки и

реализации вечернего чаепития со сладостями, к которому мы приступаем с чувством и с толком.

в леченигко в раю». И никак не отвяжется эта меломните: «Я люблю тебя, жизнь, ну а ты меня снова и снова»...

– Так и будет, пока «мыслишь – и на это существуешь»...

– Да еще при таком раскладе есть опасность, что язык до киллера доведет. Точность, как известно – вежливость снайперов.

– Не надо о печальном. Вот категория бесхитростного юмора тоже удалась Вам, мне кажется: «У семи нянек четырнадцать сисек».

– И мифология меня с детства интересовала. Я пришел к выводу, что у циклопа в детстве были отец, мать и семь нянек.

– Слушайте, давайте передохнем. Что за счастливы у вас тут в банках заспиртованы, не просыхают...

– Это вьетнамские змеи. Вот у нас на рынке поросята рядами на Новый год, а у них змеи вместо поросят. Причем режут их прямо на глазах покупателя – и вперед – домой, на кухню.

– «Неутомимому журналисту»... Спасибо вам за такую дарственную надпись. «О кино и не о кино» – солидная книжка, на 400 с хвостиком страничек... Нодар Леванович, ведь мы с вами не в первый раз встречаемся. Есть риск повториться. Но мы его минимизируем и обратимся к фактам, не просочившимся в прессу. За исключением вашей «визитной карточки» – списка отменных различных престижными наградами и просто полюбившихся зрителю фильмов. Среди них – хроника Московской Олимпиады-80. И «Арабески на тему Пиромани» (в содружестве с великим Сергеем Параджановым). Фильмы «краеведческие», и этнографические, и исторические, и «производственные» – капитальные документальные эпопеи о строительстве ГЭС Чيان и ГЭС Хоабинь во Вьетнаме. «Апофеоз жанра» –

лента о строительстве грандиозной Асуанской плотины в Египте.

Ленты учебные, и публицистические, и искусствоведческие, в их числе – о родном дяде Захарии Палиашвили.

Так вспомним же, листая страницы вашей книги о том, о чем не публиковали еще в прессе... В первую очередь – с трудом верится, что вы – родной, а не внучатый племянник создателя «Абесалома» и «Даиси»...

- Мой отец Леван был 17-м из 18-и детей, родившихся у моего деда Петра Палиашвили и красави-

Как молоды мы были!

наш прославленный тенор Нодар Андгуладзе рассказал трагикомическую историю о Эммануиле Столермане, который должен был дирижировать премьерой «Абесалома и Этери». У этого даровитого музыканта жена была – настоящая ведьма. И когда она разорвала рукопись партитуры, даже боявшийся этой стервы, как огня, Столерман не выдержал. Не в силах преодолеть до конца панического страха, он просунул дуло пистолета в щель, выстрелил и убил эту гадину.

Само собой, Столермана поймали, арестовали. Смертной казни в меньшевистской Грузии не было, высшей мерой считалось 18 лет тюрьмы.

Формулировка приговора выглядела так: «Присудить высшую меру наказания с учетом того, что в этот срок входят те 18 лет, которые

с листьями из чистого серебра. Так богатые благотворители поощряли деятелей искусства, не давая им покоробить чувство собственного достоинства.

В военные сороковые вдова Ивана Петровича тетя Лида отламывала по листику от венков и неслась в «Торгсин».

Чего только там не продавалось, какие сладости, какие деликатесы...

Однажды некий смельчак написал доморощенное трехстишие на дверях этой «пещеры Али-бабы»: «Смотрите, детки, // Как жили ваши предки // До первой пятилетки».

Еще одна «адреналиновая» история приключилась с мужем моей тети Жанны, оперным режиссером Михаилом Квалиашвили. По молодости лет его попросили подменить заболевшего контро-

На съемочной площадке с Сергеем Параджановым

цы Марии Месаркишвили, бывшей на 13 лет моложе мужа. О их любви в Кутаиси рассказывали легенды. Разница между моим отцом Леваном и его великим братом Захарием составила 24 (!) года. Так что все сходится. Хотя – страшно сказать – я родился через сто лет после своего деда и – что еще страшнее – в первой половине прошлого века прошедшего тысячелетия!

Мы договорились не грузиться семейными преданиями, известными по необозримой житийно-музыкально-искусствоведческой литературе. Поэтому заглянем лучше в «синематограф» – собрание живых картинок, связанных с моей «родословной».

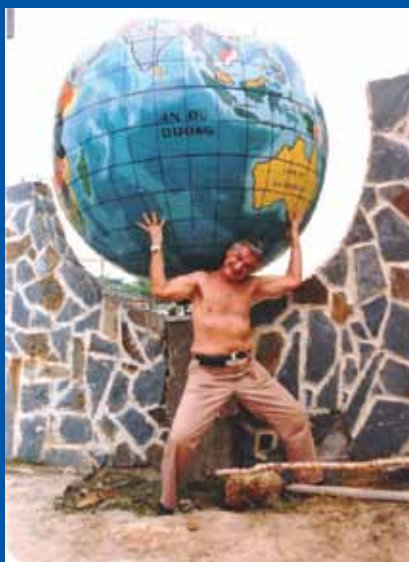
Незадолго до своей кончины

подсудимый прожил с убиенной женой».

Дирижера освободили из-под стражи в зале суда.

С тех пор за четыре сезона опера «Абесалом и Этери» исполнялась 100 раз!!! После юбилейного представления артистам вручали памятные значки участников всех спектаклей. Неожиданно из зала на сцену вышел неизвестный в военной форме и потребовал значок. Законность своих прав он подтвердил, предъявив все 100 билетов...

У моего дяди Ваню, дирижера Ивана Палиашвили, до 1922 года гастролировавшего во всех крупных оперных театрах России, сохранилось несколько лавровых венков

Операторский экстрим

лера. Стоит будущий знаменитый оперный постановщик, надрывает билетки, тут некая дама в летах в грузинском национальном одеянии пытается пройти без билета. Михаил ее не пропускает, а дама вдруг говорит: «Что, сынок, Сталина уже сняли?» Бедный юноша чуть не потерял сознание, начал что-то бормотать – типа «что вы, бабуля». «А я его мама!», – говорит дама.

Да, знаменитая Екатерина (Кеке) жила в то время во Дворце наместника на Кавказе (Дворце Воронцова – Дворце пионеров – ныне Дворце учащейся молодежи), о чем, к ужасу своему, вспомнил бедняга-контролер.

К счастью, история не имела продолжения. Кеке осталась довольна представлением и забыла о «суровом» контролере.

Но родня еще долго ждала людей в кожанках на «черном воронке».

Сестра моя, Натела, актриса Руставелевского театра, начинала сценическую жизнь в одной труппе с Котэ Махарадзе, Рамазом Чхиквадзе, Гурамом Сагарадзе, Медеей Чахава, Гоги Гегечкори...

Натела была умна, что не всегда свойственно артистам. Она умела властвовать над ходом событий. Выписывала журнал «Здоровье», и если находила там статью о вреде мучного, тут же посылала мужа в

магазин, где он скупал впрок муку, макароны и вермишель. Скоро эти продукты оказывались в дефиците. Прочтет сестра Натела о вреде масла – тут же закупит в больших количествах и перетопит...

– **Расскажите, Нодар Леванович, о тбилисских дворах вашей поры... А то в моем старом дворе китайцы, африканцы квартиры снимают – совсем другой Тбилиси. За все сто предыдущих лет в Тбилиси жил один-единственный китаец – знаменитый сапожник, чинил и мою детскую обувь, и мамину «выходную». Встречался еще в Муштаиде пожарный, тоже эксклюзивный тбилисский негр зрелых годов, работавший без унынья и лени.**

– В наших дворах незнакомых не было. С большой неприязнью восприняли все старые калакели-горожане английские замки – вроде бы как знак недоверия соседу...

Сил и энергии людям хватало не только на свою семью. Радость не замыкалась в «раковине» собственной квартиры, смерть не была «ничейной», «анонимной», как сейчас.

Помню, играл я во дворе с детьми. К соседям пришли гости, но мы их не заметили. Зато от маминого внимания сей факт не ускользнул. Она позвала меня, вручила ста-

кан сахара и яйца, велела отнести тете Арусаяк. Я удивился – она ведь не просила.

«За стеной смеются, значит, к ней пришли гости. Я знаю, что мука у нее есть, а сахара и яиц нет. Отнеси, пусть она испечет бисквит», – сказала мама.

К этому же времени – примерно 1947 году – относятся первые мои опыты фотографирования. Спустя 10 лет я впервые взял в руки кинокамеру, а спустя еще четверть века освоил и видеосъемку.

Когда пришло время выбора жизненного пути, я решил не продолжать учебу по классу тромбона в консерватории. Отверг и Госуниверситет с сильной спортивной базой (я занимался борьбой, метанием молота, имел разряд по стрельбе). Победила кинодокументалистика. Я поступил во ВГИК. При этом родители мои и брат Вахтанг окончили консерваторию, сестра – театральный институт, поэтому наша соседка, Мери Петровна, встретив мою маму, в восторге воскликнула: «Теперь в вашей семье все люди искусственные!».

– **И начались Ваши «большие гонки»...**

– Думал ли я, омывая молодое свое атлетическое тело в дальневосточном гейзере, что предстоит

В мастерской скульптора М.Бердзенишвили

мне купаться в Черном, Белом, Балтийском, Каспийском, Средиземном, Адриатическом, Красном, Мертвом, Южно-Китайском морях, и даже в Тихом и Атлантическом океанах?

– И часто ли приходилось оказываться в затруднительной ситуации?

– Могу поделиться секретом – как мне удавалось не напиваться, потому что не пить нельзя, а работать надо. Еще до начала содержательных застолий я выискивал среди гостей самую непривлекательную дамочку и после каждой рюмки внимательно ее разглядывал. Чуть только замечал, что она мнится мне миловидной, тут же пропускал тост.

Но это так, пустяк. По-настоящему тупиковых ситуаций тоже хватало. Но раз уж у нас такая мажорная тональность сложилась... Лучше расскажу, что из еды запомнилось мне на разных континентах.

На полуострове Таймыр – незабываемый вкус свежей оленины и медвежатины. А в Нижнем Тагиле – свежесобранных белых грибов, жаренных в сметане.

В ночном клубе Сирии отведал я вкуснейшее сырое мясо с твердым рисом. Бычки запомнились в Одессе, барабулька – в Керчи, угри – в Прибалтике, а сколько я пропустил! Но о мидиях в Гвинее-Бисау, фаршированных лангустах и упомянутом

уже мясе змей во Вьетнаме забыть невозможно!

– О встречах с Параджановым и Гагариным мы договаривались не вспоминать – вы о них уже рассказывали другим изданиям.

– Точно так, к чему повторяться! Но вот о чем я никогда не рассказывал, так это о знаменитом цирковом артисте Сандро Дадешкелиани... Почему то вспомнилось то время в Тбилиси, когда между железнодорожным вокзалом на левом берегу Куры и площадью Героев на правом, не было моста, а лежал между ними высокий хребет. Еще до войны привокзальный район соединили с Сабуртало: гору срыли, возвели мост, а на холме построили круглое здание цирка. Причем долгое время тбилисский цирк считался крупнейшим сооружением в Европе без внутренних опор.

Ежедневные цирковые представления отбою от зрителей не знали, а по воскресеньям их было даже три: в полдень, в три часа дня и вечерние – для взрослых.

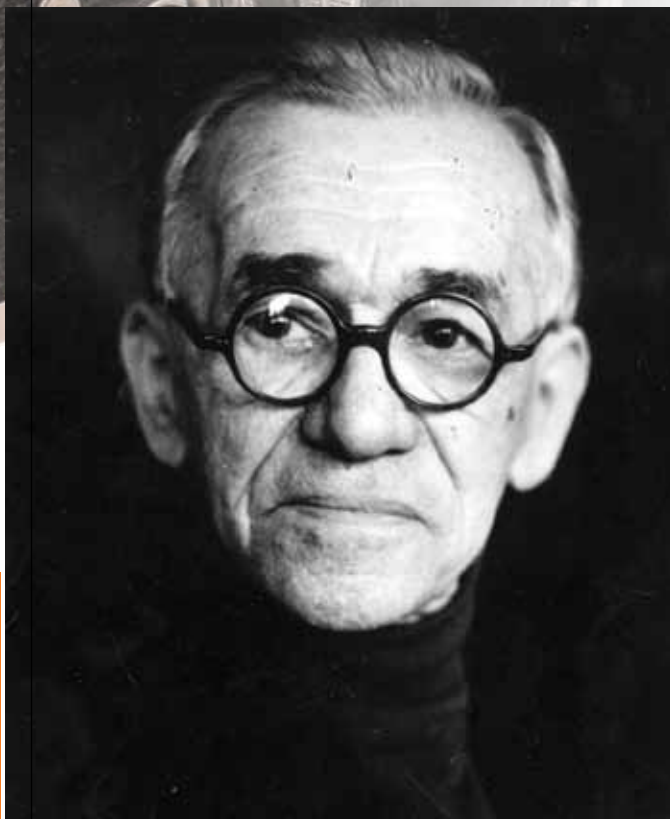
Как сейчас помню выступления Сандро Дадеш, как его представляли на афишах. На арену быстрой и легкой походкой выходил артист в черном костюме, в накинутой на плечи развевающейся пелерине, и демонстрировал чудеса. Небрежно скидывал обувь, оставаясь в белых носках, специально сшитых в виде перчаток с обнаженными пальцами.

Затем – брал штопор пальцами ног и этим самым штопором, придерживая другой ногой, открывал бутылку! Далее – на глазах у зрителей – опять-таки ногами – рисовал портрет ассистентки. Но настоящую бурю восторга вызывал номер: стрельба в цель. Сандро Дадеш брал ногами пистолет, раздавался звук выстрела, и все воочию видели попадание «в яблочко».

Рассказывали, что настоящая фамилия этого уникального артиста - Дадешкелиани, что он из княжеской семьи, и что он родился без рук. А в тяжелые послереволюционные годы Сандро состоял членом шайки, промышлявшей на вокзале. В маечке, обнажавшей врожденный недостаток, мальчишка стоял возле владельца чемодана, не представляя с виду никакой опасности и не привлекая его внимания. В нужную минуту он ногой отпихивал чемодан, и подельники, находившиеся чуть поодаль, быстро улептывали с добычей.

Сандро Дадеш рано ушел из жизни. Помню, года два его жена Зоя работала шпехсталмейстером тбилисского цирка, а музыкальное сопровождение обеспечивал оркестр под управлением Коняева.

– Драгоценные блестящие воспоминаний... Ни в каком интернете об этом не прочитаешь. Слава нашей старине – ни добавить тут, ни убавить.

Додик Давыдов

МАСТЕР ФОТОГРАФИИ

■ Анастасия ХАТИАШВИЛИ

В соцсетях, без которых современное поколение с трудом представляет свою жизнь, в последнее время очень популярен такой статус: «Работай, как будто тебе не нужны деньги, люби, как будто тебе никогда не причиняли боль, танцуй, как будто никто не смотрит, живи, как будто на земле рай...» Это слова неизвестного автора, однако, они будто до каждой буквы списаны с жизни и творчества Давида (Додика) Давыдова, великого мастера фотопортрета и настоящего тбилисца прошлого века.

ПРОСТО ДОДИК

Тайны - как видеть - не выдав,
Тенью сгоравшего дня
Высветил Додик Давыдов
И приукрасил меня.
Высветил в гаснущем свете,
Занавес не осветив.
Вижу я в этом портрете
Прошлого грустный мотив.
Небыли-беды, обиды,
Времени выгул и гул...
Додик - лукавец! - Давыдов,
Ты меня не обманул.

Даниил Чкония

Театрального фотографа Давыдова Давида Наумовича, или просто Додика, знал весь Тифлис, с ним дружила вся грузинская столица, свидетелем его тонкого таланта была вся страна. В доме у него собиралась тбилисская и московская культурная богема 60-70 гг. – от Беллы Ахмадулиной до Булата Окуджавы.

Об этом уникальном фотохудожнике, богатейшей фантазии и редкой души человеке, мне рассказала его близкий друг, историк Наталья Чахава.

По рассказам Чахава, мне стало предельно ясно, что для Грузии и особенно для Тбилиси Додик Давыдов был абсолютно исторической личностью, колоритом грузинской столицы. А для Натальи Додик прежде всего был человеком, фактически в чьих руках она выросла, с кем она очень дружила, кто составлял огромную часть ее жизни.

– Тогда я была студенткой, он – товарищем моего дедушки. Вообще у Додика Давыдова была очень интересная судьба. Он был из семьи прибалтийских евреев. Его настоящая фамилия была Пекелис. Позже он взял себе псевдоним – Давыдов. Дедушка его имел в Тифлисе картонажные фабрики. Их было три брата. Один был известным фокусником в Тбилисской филармонии, второй – Натан Пекелис жил на Марджанишви-

Наталья Чахава

ли, там, где сейчас стоит «Макдональдс», и являлся известным зубным врачом. А Додик жил прямо во дворе канатки, на проспекте Руставели, в 52-ом номере. Так что он родился и вырос в Тбилиси.

У брата Додика, зубного врача Натана, была единственная дочь по имени Сильва. Она рано уехала из Тбилиси, вышла замуж за известного дирижера Александра Каца и долгое время жила в Новосибирске. У нее была дочь Виктория, которая в свою очередь вышла замуж за музыканта Бориса Петрушанского. Но, как говорит Н. Чахава, они были отрезанным ломтем, даже для своих родителей, не только для Додика.

Приблизительно 30-40 лет назад в грузинской столице прошел слух, будто голливудская звезда 1940-1960-х годов Грегори Пек ни кто иной, как грузин. И, как утверждает Наталья Чахава, все дело в том, что Грегори Пек был двоюродным братом Додика Давыдова.

– Пек – от фамилии Пекелис. Грегори Пекелис родился в Тифлисе, в 1913 году. Я вам повторяю то, что рассказывал мне Додик! Грегори Пеку было 2 года, когда его отец уехал в Америку. Отец Грегори Пека и отец Додика Давыдова были родными братьями. Я открыла «Who is who?», но там, конечно, об этом не напишут. Там указано, что он родился где-то в предместье Сан-Диего. А ведь Додик и Грегори были двоюродными братьями, что называют «бидзашвилеби».

– А они общались друг с другом?

– Они общались. До революции Грегори Пек присылал Додику письма. А потом они, увы, потеряли связь друг с другом.

Верико Анджапаридзе

Е. Синельникова

ВОЙНА, КОФЕ И ДРУЖБА

«Когда вы снимаете людей в цвете, вы фотографируете их одежду. Но когда вы переключаетесь на черно-белую фотографию – вы запечатлеваете их душу».

Додик Давыдов начинал, в 20-е годы прошлого столетия, когда русский театр в Грузии был в самом расцвете.

– Понимаете, Додик был театральным фотографом. Это не был фотограф, который сидел в фотоателье... Лиза, мчadi! – вдруг напоминает Наталья дочери о мчadi, которые она положила на сковороду к моему приходу.

– А ведь Додик еще совсем мальчишкой участвовал в войне. Это была последняя русско-турецкая война. Додик воевал на территории Персии. Он показывал мне джезве из Ирана. Кстати, Додик варил в них вкуснейший кофе.

Наталья Чахава довольно часто бывала в доме фотографа, потому что там можно было встретить интереснейших людей. По ее словам, кроме известных поэтов, музыкантов, журналистов, писателей, редакторов и режиссеров, у Додика собирались популярные актеры кино и театров Грибоедова и Руставели.

– А с кем Додик дружил?

– Он очень дружил с Абрамом Исааковичем Рубиным, учеником Таирова. Был такой известный режиссер Грибоедовского театра. С редактором «Мерани» Марком Златкиным. С Шурой Цыбулевским - это был тонкий писатель, поэт, переводчик. Он написал диссертацию о Важа Пшавела в переводах Бориса Леонидовича Пастернака. Шура Цыбулевский, между прочим, был одноклассником Булата Окуджавы. Додик также очень дружил Лево́й Софианиди, с профессором университета Тенгизом Залдастанишвили. Это была еди-

В. Качалов

ная компания, ближайшие друзья Додика. Гия Маргелашвили – замечательный, изумительный, удивительнейший литературный критик и писатель. А еще Додик очень любил Юнну Мориц, большого русского поэта плеяды Окуджава и Высоцкого. Как он не раз говорил мне, Мориц напоминала ему мать.

Кроме того, Давида Наумовича связывала большая дружба с актерами Грибоедовского театра Владимиром Брагиным и Беллой Белецкой, с актерами театра и кино Павлом Луспекаевым, знаменитым по кинокартине «Белое солнце пустыни», и Львом Дуровым. В его доме часто бывала Наталия Соколовская – известный прозаик, поэт и переводчик. Она работала в издательстве «Мерани», переводила поэзию О. Чиладзе, Т. Табидзе, Дж. Чарквиани.

– Додик был престижным фотографом и его знал весь Тбилиси. Тот Тбилиси, в котором существовало настоящее общество, интеллигентные люди, за плечами которых было пять, шесть, семь поколений горожан. Додик часто можно было увидеть на премьерах, выставках, концертах. Он был своим везде!

ТБИЛИССКИЙ РЕМБРАНДТ

Додика Давыдова называли «тбилиским Рембрандтом», потому что он делал потрясающие портреты. К сожалению, у него не было мастерской. Поэтому он снимал спонтанно.

По словам Н. Чахава, у фотохудожника был колоссальный архив, содержащий уникальные портреты Максима Горького, Владимира Маяковского, Ладо Гудиашвили, Верико Анджапаридзе, Медеи Джапаридзе... Давыдов много выставлялся в Латвии, ФРГ, Италии, Японии, а также в Москве и Ленинграде. За портрет грузинской пианистки Элисо Вирсаладзе Министерство культуры СССР и правление Союза журналистов наградили его дипломом третьей степени.

– А с тбилискими фотографами Додик дружил?

– Вы знаете, именно с фотографами Додик не очень дружил.

У меня в голове сразу проносится откуда-то вычитанная мысль о том, что настоящие фотографии не обращают внимание на современников. Они «выпендриваются» перед вечностью. Я чуть заметно улыбаюсь ироническому и точному сравнению и спрашиваю свою собеседницу:

– А почему?

– Ну потому, что у него всегда была к ним не то чтобы предвзятость, а какая-то ревность. Но он очень ценил Юру Мечитова и Алика Саакова. Хотя тогда для него они были почти детьми. Ведь если бы Додик сейчас был жив, ему было далеко за 100.

Наталия Чахава задумывается.

– Да и что скрывать, Додик Давыдов был единственным в своем роде. В его деле ему не было равных. И если бы мы жили в нормальном государстве, Додик гремел бы, как Аведон. Как знаменитый американский фотограф Ричард Аведон. Додик все время мне говорил, мол, вот тогда Аведон сделал портрет Майи Плисецкой, а вот я бы сделал совсем по-другому. И сделал бы! Вы ведь знаете знаменитый портрет Верико Анджапаридзе с длинными волосами? Это портрет Додика.

Додик был автором портретов известного тбилисского поэта Даниила Чкония и Нины Тархан-Моурави, дочери Иды Беставашвили, известного переводчика, которая сейчас живет в Голландии. В его архиве есть портреты представительницы грузинского царского дома Дали Багратиони и художницы Гаянэ Хачатурян. Многие из этих портретов сейчас находятся в фонде Дворца учащейся молодежи.

Однажды у Наталии Чахава, по ее словам, выкрали портрет работы Додика, на котором был изображен известный писатель, журналист и

сценарист Юрий Нагибин, второй супруг поэтессы Беллы Ахмадулиной. Тогда Давыдов снял Нагибина пьяным. А тот подписал ему свой портрет так: «Дорогому Доду, который сумел из моего пьяного рыла сделать почти человеческое лицо».

«Перу» Додика также принадлежит портрет Василия Ивановича Качалова, ведущего актера труппы Станиславского и одного из первых Народных артистов СССР. Додик заснял его на гастролях в Тбилиси. И это был удивительно правдивый кадр тогда еще начинающего молодого мастера.

– Значит, Давыдов любил снимать непостановочные кадры?

Д.Алексидзе

– Да, Додик был мастер экспромта. Ему нельзя было сказать: «Давид Наумич, снимите меня, пожалуйста!» Нет, он должен был сам предложить. Я часто просила: «Дод, ну сними меня! Ну сними меня! Как тебе не стыдно!» И один раз он все-таки сделал мой портрет.

ПО ТУ СТОРОНУ МАСТЕРА

Какая из фотографий моя любимая? Та, что я собираюсь сделать завтра.

Имоджен Каннингем, фотограф

К гениальному тбилисскому фотографу Додике Давыдову тянулась

молодежь. Когда он видел хорошего интересного человека и собеседника, он раскрывался. К Додику шли, когда было очень плохо, или, наоборот, очень хорошо.

— У Додика сидело полмузея дружбы народов, и это было символично. А еще он очень любил музыку. В особенности, классическую. Часто сидел с Рубиным и слушал пластинки. Я зайду, а он, поднесет указательный палец к губам, мол, тише, и слушает. Кстати, у него были редчайшие записи дудукистов.

— А какой у Додика был характер? Он не был замкнутым?

— Нет. Но был, конечно, человеком настроения. Очень тонким человеком. Обидчивым, как ребенок. Чувствительным и внимательным, наблюдательным, как портретист. Кого любил, любил, кого не любил, обязательно дал бы это почувствовать. Мог все сказать прямо в лицо.

Бескомпромиссен был фотограф и в личной жизни. У Додика была единственная жена — прекрасная Нина. Тогда они жили на улице Папанина, ныне носящей имя грузинского оперного певца Вано Сараджишвили. Додик часто рассказывал Наталье Чахава о своей супруге, показывал ее необыкновенные фотографии. Говорил, что она была очень интересной женщиной. Но Нина изменила Додику, и он с ней расстался. А потом, несмотря на череду горьких любовных разочарований, у него были яркие романы.

Совершенство знаменитой квартиры Давыдова складывалось из мелочей. С фотографий на стенах смотрели лица, силуэты, глаза. Квартира была пристанищем мастера, иным миром, который воспевали, о котором тосковали те, кто хоть раз переступали его порог.

Эта комната запечатлена в документальном фильме Генриха Кавлелишвили, тогда молодого тбилисского режиссера.

— Дод! Дод! Дод! — звали его друзья и коллеги. Его обожал весь Тбилиси. Был такой замечательный фильм Т. Нозадзе «Тбилиси и тбилисцы» — о грузинской столице и ее жителях 70-х годов. В нем Додик Давыдов был запечатлен, как настоящий колорит столицы Грузии. Там были кадры, снятые у здания «Грузшахтстроя», где сейчас находится Академия наук. Додик проходил там каждое утро. И вот представьте, тбилиское утро, все идут на работу. Гиви Амашу-

кели, Симар Шульц, Вова Осинский. В кадре был маклер, известный красавец, который вечно стоял на Руставели. Это был своеобразный дух проспекта. И Додик медленно шел по нему, немного сгорбившись, худой...

Наталья Чахава опять задумывается. Я оглядываюсь. На стенах висят картины Серго Кобуладзе, Георгия Мачаидзе, Льва Баяхчева, Василия Шухаева. А в центре живописный портрет художницы Луизы Копалиани. Это портрет красивой девушки в вечернем платье и с серьгами в ушах, в которой я узнаю мою собеседницу...

— Хорошее было время. Тогда люди общались, интересовались друг другом. — продолжает Чахава. — А после работы я всегда забегала к Додику — покурить, посплетничать, что-то рассказать ему, что-то выслушать...

НА ЗАКАТЕ НЕИЗБЕЖНОЙ РАЗЛУКИ

Творчество — это всегда риск. И поэтому в последние годы жизни Додику Давыдову приходилось нелегко. Снимать он уже не мог, пенсии из-за отсутствия непрерывного стажа у фотографа не было — мастер всю жизнь работал по договорам. Поэтому Наталья Чахава взяла на себя заботу о знаменитом фотохудожнике.

Давыдов коллекционировал редкий фарфор, который на старости лет пришлось понемногу продавать. А еще Додик дружил с директором Музея музыки, театра, кино и хореографии Тамазом Джанелидзе, которого в столице за сходство с британским политическим деятелем называли за глаза Черчиллем. И когда Давыдову нужны были деньги, он по частям продавал ему свой фотоархив.

— По молодости или, может, по деликатности я не интересовалась архивом Давыдова, а он был богатейший. Когда Додик умер, кроме портретов металлургов, шахтеров, героев соцтруда, сделанных по заказу ГрузТАГа, у меня на руках почти ничего не было. Я продала в Музей истории Тбилиси «Карвасла» цейсовский фотоаппарат Додика. Сейчас, правда, жалею, надо было оставить его на память. А часть негативов у меня приобрел ГрузТАГ. На вырученные деньги я поставила памятник на могиле Додика.

Он умер в 1985 году. Пришлось взломать дверь его квартиры в доме, в котором двери всегда были открыты.

На похоронах Додика был весь город.

— Еще при жизни Додик хотел завещать мне свою квартиру. А я сказала: «Знаешь, Додик, не говори глупости! Я тебе помогаю не из-за твоих завещаний или разбитых чашек». Ох, мы тогда с ним очень сильно поругались, — с грустной улыбкой вспоминает Наталья Чахава.

Додик Давыдов

После смерти Додика Наталье достался старый письменный стол фотомастера, небольшая коллекция фарфора, некоторые его негативы и часть фотоархива, который Н. Чахава почти весь раздала друзьям и близким.

При съемке Давыдов всегда избегал резкости в портрете. Он считал, что она придает кадру сухость, усугубляет плоскость изображения. На таких фотографиях не хватает воздуха, говорил он. Все подробности на виду, нет тайны, возможность домыслить.

Хочется верить, что душа великого тбилисского фотографа Додика Давыдова живет в его фотографиях, в этих лицах, выхваченных мягким светом из суровой тьмы неизбежных разлук.

СНЫ О ПАРАДЖАНОВЕ

■ Нино ЦИТЛАНДЗЕ

Сергей Параджанов не нуждается в представлении. Особенно в его родном Тбилиси. Именно поэтому выставка под названием «Сергей Параджанов – сны 21 века», прошедшая в Музее истории Тбилиси «Карвасла», имела столь ошеломительный успех.

Началось все издалека. В тоже родном для Параджанова Киеве, куда несколько лет назад переехала организатор и вдохновитель нынешней выставки Виктория Данелян. Переехала, кстати сказать, из Тбилиси. И там, в Киеве, она вместе с дизайнером Татьяной Цвелодуб основала «Музей сновидений». Экспозиция киевского музея и стала остоном для выставки тбилисской. Правда, как признается Виктория, «Тбилиси не был бы собой, если бы не внес в эту затею только ему присущий параджановский дух. И все получилось совсем по-другому».

Открытие выставки приурочили к 18 мая – Международному дню музеев. С таким размахом этот праздник

в Тбилиси прежде не отмечали. Только в день открытия выставку посетило более двух тысяч человек. Она состоялась при поддержке Министерства культуры и охраны памятников Грузии и Центра культурных мероприятий Мэрии Тбилиси. В ней приняли участие художники и дизайнеры из Киева (Василий и Иван Костенко, Ула Вугаева, Алла Жмайло, Мила Гайдай, Лилия Лукьянова), Тбилиси (Гуга Котетишвили, Юрий Мечитов, Олеся Тавадзе, Олег Тимченко, Нино Чубинашвили, Ирма Шарикадзе, Гурам Цибахашвили, Вахо Бугадзе, Мамука Джапаридзе, Владимир Адвадзе, Эрна Долмазова, Жанна Давтян, Григорий Деведжиев, Саломе Эланидзе), Санкт-Петербурга (Евгения Ремизова) и Нью-Йорка (Марк Поляков). Объединить таких разных мастеров мог только Параджанов. И никто другой.

Описывать выставку – дело неблагодарное! Это надо видеть. Здесь и инсталляции, и видео, и коллажи. Чего стоит колодец с желаниями, или во всю стену панно из полудрагоценных камней, жемчуга и битой посуды. И еще много удивительных, восхитительных и волшебных предметов, которые как бы напоминают – он жив, этот выдающийся человек, в нашей памяти и нашей любви к нему.

«Параджанов универсален и неисчерпаем. Редчайшее для художника качество. А самое главное, что показала наша выставка – это возможность наконец-то открыть в Тбилиси музей Параджанова. Думаю, и сам мастер, и его город это заслужили. Тем более, что интерес к его творчеству с годами не только не угас, но наоборот усилился. Да и людей, его знавших, еще достаточно. И эспонаты можно найти. Вы знаете, не так давно я ездила в Ереванский музей Параджанова. Он сделан с большой любовью, вкусом и умением. Но он застывший музей. А в Тбилиси параджановский дух словно оживает, вырывается на волю, как джинн из бутылки. И это, мне кажется, самое дорогое и ценное!», – сказала Виктория Данелян. Сложно с ней не согласиться. Будем надеяться, что из одной маленькой затеи получится большое и правильное дело. Чтобы легенда о Параджанове жила вечно!

ЮБИЛЕЮ ЧАЙКОВСКОГО ПОСВЯЩАЕТСЯ

■ СОБ. ИНФ.

Концерт, посвященный 175-летию со дня рождения великого русского композитора Петра Чайковского, прошел день в день – 7 мая в Большом зале Тбилисской государственной консерватории имени В.Сараджишвили. Его организаторы – Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» и Тбилисский государственный академический театр оперы и балета имени З.Палиашвили при участии Центра культурных мероприятий мэрии Тбилиси.

Перед зрителями блистали звезды грузинской оперы – Марика Мачитидзе, Елена Путилова, Иринэ Ратиани, Теймураз Гугушвили, Николоз Лагвилава и Заал Хелая, исполнившие арии из опер Чайковского. Им аккомпанировал симфонический оркестр Тбилисского государственного академического театра оперы и балета под управлением художественного руководителя театра Давида Кинцурашвили.

В ранге специального гостя в концерте участвовал знаменитый грузинский пианист Александр Корсантия, с 1993 года проживающий и работающий в США, исполнивший легендарный Первый концерт. Зал устроил пианисту овацию и долго не отпускал со сцены.

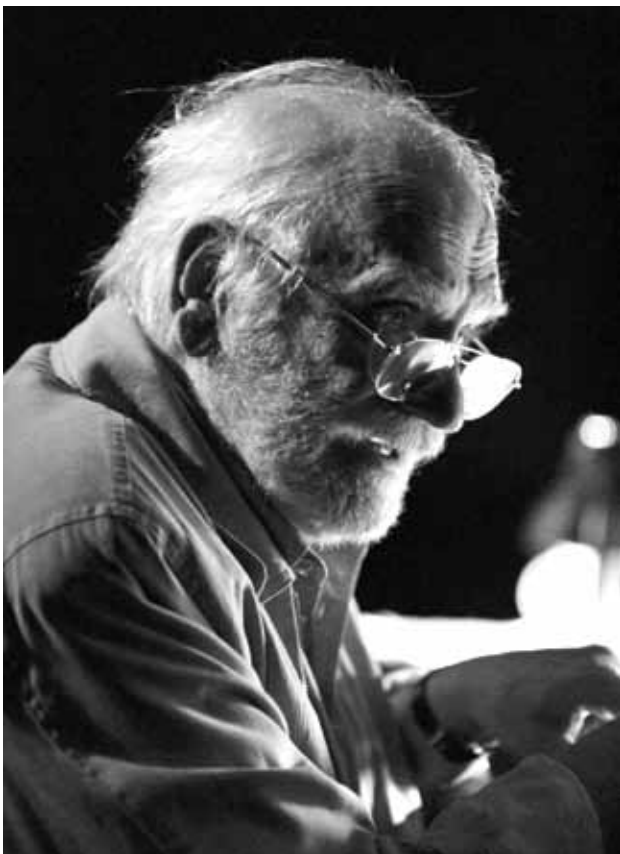
Примечательно, что жизнь и творчество Петра Ильича Чайковского тесно связаны с Грузией. Он пять раз бывал в нашей стране. Жил в старинном тифлисском районе Солولاки, набирался вдохновения в прогулках по Старому городу и парку Муштаид. В Тифлисе работал его брат Анатолий, и приезжая к нему в гости, Чайковский активно участвовал не только в музыкальной, но и культурной жизни грузинской столицы, близко познакомился с лучшими представителями интеллигенции. Он писал, что в Грузии чувствует себя дома, признавался, что ему все время «смертельно хочется в Тифлис», что он стремится сюда всей душой.

Если суммировать дни, проведенные Чайковским в Грузии, то их наберется не больше 150-ти. Но за это время он успел многое. Начал работать над операми «Чародейка», «Пиковая дама» и «Иоланта», над балетом «Спящая красавица», Пятой симфонией и симфонической балладой «Воевода». Боржоми вдохновил его на то, чтобы возобновить работу над приостановленной «Моцартианой». Ориентируясь на его творче-

ство, грузинские композиторы стали использовать в своих сочинениях народную музыку. Но и сама Грузия оказала огромную услугу творчеству русского композитора. Она подарила ему мелодию своей народной колыбельной «Иавнана», которую Петр Ильич использовал для арабского танца в балете «Щелкунчик». А на тифлисской сцене впервые в мире прозвучала окончательная редакция увертюры «Ромео и Джульетта». И вдали от Грузии великий композитор не забывал о ней, до последних месяцев жизни надеялся вновь приехать сюда. Судьба не дала ему такой возможности. И когда в Тифлис пришла весть о смерти Чайковского, местное Музыкальное общество почтило его память, организовав большой концерт из его произведений. Недавно в Тбилиси при содействии «Русского клуба» была издана книга, посвященная жизни П.И. Чайковского под названием «Полтора года дней Петра Ильича», написанная замечательным журналистом и исследователем Тбилиси Владимиром Головиным. Все гости концерта получили книгу в подарок.

Кроме того, по инициативе «Русского клуба» были собраны подписи на имя мэра Тбилиси и председателя Сакребуло с просьбой о реставрации дома Чайковского в Тбилиси.

Петр Наумович Фоменко

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

Актер, режиссер, писатель Евгений Гришковец назвал Петра Фоменко «последним представителем исчезающего рода». Приблизительно в том же духе высказался и грузинский режиссер Андро Енукидзе: «Так, как делал Фоменко, не может никто!»

В этих словах выразилось что-то очень печальное: то, что уходит, исчезает навсегда. Хотя «ускользающая красота» все еще живет в фоменковских спектаклях и, наверняка, долго еще будет жить. Однако следует помнить предостережение поэта Райнера Мариа Рильке: «Вещи исчезают, если хочешь увидеть что-нибудь, следует торопиться». Вот тбилисцы и поторопились посмотреть великие творения Петра Наумовича Фоменко, ощутив при этом такую-то необыкновенную легкость бытия, чувство полета и одновременно щемящую грусть.

За несколько месяцев до юбилея Грибоедовского театра, спустя четыре десятилетия, в столицу Грузии возвратился «эмигрант из семидесятых годов», как его иногда называют, Петр Наумович Фоменко: воспитанники режиссера, нежно именуемые «фоменками», привезли в грузинскую столицу два спектакля: «Волки и овцы» А. Островского и «Семейное счастье» Л. Толстого. Они прошли при аншлагах на большой сцене театра. Сказать, что им сопутствовал успех, — не сказать ничего. «Фоменки» привыкли к такому приему публики, а вот для наших зрителей было удивительным осознание того, что можно так тщательно и любовно читать классику, подробно знакомиться с текстом автора, не меняя в нем ни буквы, но находя все новые и новые штрихи и нюансы, тона и полтона, цвета и оттенки. Так что вполне себе архаичный текст (все-таки век XIX!) вдруг становится сегодняшним и близким каждому. Из чего, из какой невесомой материи складывается существование на сцене актеров Полины Кутеповой, Мадлен Джабраиловой, Галины Тюниной, Ка-

ОН НАШЕЛ СВОЙ ОСТРОВ

Даниил Славин и Тамара Белоусова в спектакле «Дорога цветов»

рэна Бадалова, Алексея Колубкова, Тагира Рахимова и других? Не объяснишь, не разгадаешь...

Меня особенно поразило «Семейное счастье». Филигранная, подробнейшая работа режиссера, изящная вязь образов — «совместное плетение театральных кружев» (Дина Годер), слияние волнующей музыки и пластических «порханий» и «пролетов», царящая на сцене театрально-толстовско-фоменковская завораживающая атмосфера, складывающаяся из жизни вещного мира, особых интонаций и звуков, игры светотени... и чего-то еще, чему нет названия. Все это рождало подлинную, не имитированную театральную магию... «Т-с-с!» — с этим таинственным полушепотом в зрительном зале перед началом первого и второго действия прошелестела героя «Семейного счастья», которую сыграла совершенно фантастическая, воздушная Ксения Кутепова. И началось...

Так состоялось триумфальное возвращение Петра Фоменко в Тбилиси. В город, в котором он проработал совсем недолго. В фойе Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова была развернута экспозиция. Большинство экспонатов подготовленной коллективом «Мастерской П. Н. Фоменко» выставки составили материалы, связанные с работой режиссера в театрах Москвы, Санкт-Петербурга, Вроцлава, Зальцбурга и Парижа, а также в Грибоедовском театре в 1971-1972 годах, о его

зии.

Нельзя сказать, что Петр Фоменко в начале семидесятых находился в стадии формирования как режиссер. Это был уже зрелый, сложившийся художник, сорокалетний мастер, испытавший к тому времени немало разочарований и оставшийся без театра. Спустя годы, Петр Наумович говорил: «Утраты, ошибки, неудачи, даже поражения бывают дороже успехов». Смеем утверждать, что такие слова может произнести только победитель, уверенный в правильности избранного пути и извлекающий из выпадающих на его долю испытаний серьезные уроки.

Думается, в Тбилиси в начале 70-х уже во многом сформировался его фирменный стиль, хотя тот же Гришковец настаивает на том, что «самое главное в своей жизни Фоменко сделал в последние двадцать лет». Но ничто, как известно, не появляется из ничего. О том, что Фоменко был Фоменко – и в смысле особенностей сценического языка, и в отношении идейно-нравственных установок – уже в 70-е, свидетельствуют две рецензии на спектакль «Свой остров», поставленный по пьесе эстонского драматурга Р. Каугвера. Из описаний и анализа этого спектакля складывается вполне определенная картина – «внешняя» и «внутренняя».

«Еще перед началом спектакля на затемненной, «без занавеса», сцене настораживает обилие вещей: кровати, тумбочки, стулья, столы, умывальники, плиты, двери. Дверей много – одни двери без стен. Людям на сцене будет тесно. Если не убрать вещи. Но спектакль начинается, и вещи остаются на своих местах. Люди двигаются боком, боясь что-нибудь задеть и опрокинуть, проходят через многочисленные поставленные под углом двери, от этого все ощутимее становятся невидимые стены... Вещи и двери – это рабочее общежитие и контора. В конторе друг перед другом сидят начальник и секретарша. Начальник читает бумагу и время от времени поднимает трубку телефона. Секретарша печатает на машинке, куда-то убегает, прибегает. Секретарша – без голоса. У нее завязано горло, и она говорит западающим шепотом. Начальник мучительно «выполняет план».

В общежитии – страдают, ищут смысла жизни, ищут любви, наталкиваются в тесноте друг на друга, в какой-то

работе, в поисках пути, в сердечной смуте...». И, наконец, тот, кто собирает весь этот фантастический, пронзительно-правдивый мир в одно конкретное целое, – главный герой спектакля, «романтик», «рыцарь печального образа», искатель «своего острова». Ему лет шестьдесят. Он выходит на сцену, что-то насвистывает, неторопливо проходит через все двери, молча достает распиханные по карманам бутылки (пришел в общежитие, на день рождения племянника). Он прост и неожиданно вполне реален. Больше того, он реальнее всех остальных, и это соотношение, по-моему, – основное и решающее приобретение спектакля (...) В спектакле Фоменко зло словно потеряло реальную почву, оно бессильно и обречено. Герой спектакля – давно и хорошо знакомый романтик, вечный искатель – Дон-Кихот, попавший, наконец, в свое время. Пройдя испытания всех несовершенных эпох, он донес извечный идеал добра до времени, когда перестал вызывать смех. Вчерашние хозяева – «великие честолюбцы», эти «властители мира вещей» перестали быть хозяевами, они стали смешны в убогости своей уже теперь бессмысленной «власти», а вчерашние «чудаки» (их уже сегодня называют «великими чудаками») – они стали героями дня, в них уже признают первооткрывателей тех новых стимулов, к которым отныне устремится человечество. Об этом новом, еще недостаточно ясном и видном для всех герое сегодняшнего дня сказал в своем спектакле режиссер Фоменко...

Добро становится реальнее зла. В глубокой художественной обоснованности этого нового в мире распределения сил – высокое значение спектакля грибоедовцев, стоящего, по-моему, на уровне лучших достижений нашего театра за последние годы», – отмечает Армен Зурабов («Реальность «романтика». Вечерний Тбилиси, 27 мая 1971 года).

Будучи шестидесятиником, Петр Наумович Фоменко до конца дней сохранил романтическое стремление к свободе и идеалу, и перед волшебством, обаянием его спектаклей, на наш взгляд, не может устоять никакое, самое изощренное зло...

Другой рецензент, Т. Чантурия, в частности, отмечает: «Режиссер Петр Фоменко строит спектакль таким образом, что эти две стихии и отталкиваются друг от друга, и взаимопроникают: мелколесье и запутанность повседневности – и мечта об острове, беспорядочная, безвольная разрозненность вещей – и волевое преобразующее начало. Силою режиссерского замысла персонажи связаны друг с другом множеством отношений, множеством оттенков, явных и скрытых: когда на сцене сразу много действующих лиц, площадка кажется иссеченной стремительными перекрестными линиями – ясными и едва намеченными... Почва, на которой растут образы спектакля, насыщена щедрой рукой, освоена и заселена во всех подробностях. Тем выше и неожиданной моменты эмоциональных всплесков, моменты тишины и внезапного покоя, которым режиссер сумел дать метафорическую выразительность и глубину и тем самым завершил и высветил свою мысль. Эти моменты трудно оценить по достоинству, если не знать отличной работы в спектакле заслуженных художников Грузинской ССР О. Кочакидзе, А. Словинского и Ю. Чикваидзе. Они тесно заселяли сцену, изрезали ее воображаемыми коридорами и реальными дверями – двери, двери, в которых путаются герои, которые мешают им двигаться и дышать, двери – со своей физиономией каждая, дощатая – в общежитии, обитая клеенкой – у начальника, захватанная дверь с кошечком – «касса», и даже дверь – «нет выхода», и кровати стоят впритык одна к другой, и огромное канцелярское кресло разевает неуютный свой зев прямо на пол, и стены выложены прихотливым лабиринтом из водопроводных труб, и раковины, и пустое ведро на полу. Оно еще так некстати, а на деле-то как раз кстати, – все вмешивается в действие, путаясь под ногами и бесстыдно грохоча, и еще многое-многое. И, как глубоко-

П. Фоменко (в центре) с грибоедовцами

неуловимый миг, сами того не замечая, прикасаются к тому, чего ищут, и тогда вдруг возникает песня – низкий медлительный голос женщины: «Белый конь на далеком стоит берегу, белый конь, белый конь ждет меня на далеком на том берегу, белый конь, белый конь...» Действие на сцене замирает, люди застывают, наступившие внезапным раздумьем. Иногда сцену заполняет громкая шумная музыка из транзистора – словно выпущенный на миг из бутылки первобытный джин. Иногда – стихи Пастернака: «Во всем мне хочется дойти до самой сути: в

кий вздох, вырастает из всего этого легкий и высокий помост с лесенками. И хоть там, дальше виднеется еще контур шахты, этот помост глаз сразу схватывает как главное, как суть. И – не ошибается. Когда герои будут подниматься сюда и застывать темными силуэтами и женский голос из репродуктора поведет свободную, тихую песню – «белый конь ждет меня на том берегу...», вам, может быть, вспомнится ваша собственная мечта о «своем острове». И это будет означать, что спектакль было для чего ставить» («Искать свой остров». Молодежь Грузии, 4 мая 1971 года).

Несомненно, что и сам Петр Наумович долгие годы искал «свой остров» и в конце концов обрел его, назвав «Мастерской П. Н. Фоменко», создав, как пишут, «самую заметную и влиятельную в постсоветском театре школу».

Воспоминаниями о Петре Наумовиче Фоменко когда-то поделилась заслуженная артистка Грузии **Валентина Воинова:**

«Мне довелось поработать с Петром Наумовичем Фоменко сразу в двух спектаклях. У меня тогда был грудной ребенок, что создавало, конечно, проблемы. Помню, как Фоменко сидел у меня дома и говорил, что Гига Лордкипанидзе – он был тогда главрежем – собирает меня заменить. Уже была афиша, сроки поджимали, но Фоменко менять меня на другую актрису не хотел. Так и не заменил...

В психологической драме «Свой остров» Р. Каугвера я сыграла одну из главных ролей, но спектакль шел недолго, потому что уехали в Москву молодые актеры, занятые в постановке. Второй тбилисский спектакль Фоменко – комедия «Дорога цветов» В. Катаева (кстати, дорогой цветов в японском театре называется помост, идущий от сцены через партер вглубь зрительного зала). В спектакле вместе со мной играли блестящие актеры – Арчил Гомиашвили, Джемал Сихарулидзе, Лара Крылова, Муся Кебадзе... Какие об-

Р. Каугвер. «Свой остров»

разы создавал Фоменко, рассказать невозможно! Он работал играючи, легко, а однажды поставил меня в неловкое положение, сказав: «Ну, отреагируй так, как ты умеешь, – неожиданно!» «Петр Наумович, как я сейчас уже могу отреагировать неожиданно? У меня мысли разбегаются: что бы мне такое придумать, чтобы это было неожиданно?!» – растерялась я... Мы порой даже не замечали того, как Фоменко добивался нужного результата. Помню, на репетиции Петр Наумович показал Мусе Кебадзе, как двигается ее героиня. «Вот так будете ходить!» – сказал Петр Наумович и начал подпрыгивать. От этой подпрыгивающей походки у Муси родилось состояние, которое ей предстояло передать. Ларе Крыловой он посоветовал положить на голову грелку и ходить с ней, чтобы вызвать нужное ощущение...»

Заслуженная артистка Грузии

На репетиции

Ирина Квижинадзе:

– Я была с ним знакома, мы очень дружили. Фоменко так хотел, чтобы мы с ним встретились после долгого перерыва! Но не удалось, и сейчас я, конечно, очень сожалею об этом... Петр Наумович Фоменко – это был сплошной юмор! При всей своей тяжелой жизни, когда его не признавали, когда у него не было театра, хотя он был одним из талантливейших людей, он оставался жизнерадостным человеком. Никогда не возникало мысли о том, что у него что-то не в порядке. Тонко чувствующий человек... По-моему, на сцене Фоменко материализовал даже звуки, запахи. Когда смотришь его спектакли, ощущаешь эти запахи, как будто он это тоже ставил. Фантастика! Это был

Заслуженная артистка России **Марина Николаева:**

– Я сидела и смотрела, как Фоменко репетирует «Дорогу цветов» В. Катаева. Так что весь спектакль стоит у меня перед глазами чуть ли не по эпизодам. Петр Наумович ставил спектакль на Арчила Гомиашвили, но буквально за две недели до премьеры он уезжает и Фоменко вводит на его роль Джемала Сихарулидзе. Надо сказать, что Джемал сыграл блестяще! Фоменко показывал ему, и Сихарулидзе это воспринял. Да и остальные актеры проявили себя, почувствовали свою мышечную силу. Поскольку сложилась форс-мажорные обстоятельства, он прибежал к показу. Хотя той же Сперанской не нужно было ничего объяснять или показывать – она все равно все понимала по-своему, но выполняла задачу точно. Фоменко умел создавать атмосферу спектакля.

Во время репетиций были и недовольные. Потому что когда Фоменко репетировал, он совершенно забывал о времени, о том, что актеры нуждаются в отдыхе, что у всех существуют какие-то личные дела и проблемы. Так было только в том случае, когда он чувствовал: нечто возникает, возникает, возникает... если есть зацепки и идет живой процесс. А если возникали сложности, он останавливал репетиции, никогда не допуская бесполезного толкания на сцене. При этом он никогда не сердился на актеров. Только если репетиции мешали праздные разговоры, шумы – словом, внешние раздражители, не имеющие отношение к работе.

Я играла в его спектакле «Свой остров» Каугвера. Фоменко ставил актера в такое положение, когда он не мог сыграть плохо. Актеру обычно дается одна определенная задача. Есть ведь такое правило: актер не может сыграть больше одной задачи. И вот – такая сцена. Я играла секретаршу, мой начальник – его играл Джемал Сихарулидзе – ждал прихода своего подчиненного, в этой роли был Мавр Пясецкий, а он все не входил и сидел перед кабинетом. Тогда начальник выходил из кабинета и направлялся в туалет – это было обозначено в декорации – и тут замечал человека, которого ждал целое утро. Естественно, начальник останавливался и обращался к подчиненному, между ними завязывался разговор, но герой Сихарулидзе в то же время не мог его продолжать: ему срочно требовалось пройти в туалет. И эта ситуация давала дополнительную энергию, динамику сцене; ему нужно было что-то рассказать и в то же время выслушать собеседника, и все было как на разрыв. Такие вщи не напи-

саны в пьесе – это делает режиссер. Вот Фоменко любил ставить актера в такое положение. И пространство становилось живым. Я видела своими глазами, как он это все делал. Настоящий режиссер, каких мало!

Заслуженная артистка Грузии **Замира Григорян:**

- Петя, Петечка... так мы его звали за спиной.

Петр Наумович Фоменко – это уже эпоха в театре. Тогда у Фоменко не было своего театра (кстати его у него не было еще много лет), и он был негоден властям. Фоменко был из тех шестидесятников, чье стремление к свободе никогда не отходило на второй план. Его друзья – барды Юлий Ким и Юрий Визбор, писатель Юрий Коваль, поэт Юрий Ряшенцев и другие несли в своем творчестве непобедимый дух свободы. Фоменко – ченик Охлопкова и Мейерхольда. Те, кто знаком с этими именами, понимают, что за этим стоит... Фоменко ставил свои спектакли на сценах многих московских театров. Кстати, это он поставил «Калигулу» с Олегом Меньшиковым в главной роли в театре Моссовета. Я думаю, именно с этого началась большая карьера актера Меньшикова. Потом основным занятием Фоменко стала педагогика. И только спустя многие годы он открыл свой театр – «Мастерская Петра Фоменко». А тогда к нам в театр пришел молодой, обаятельный, замечательный Петя. Привез он нам пьесу молодого эстонского драматурга Р.Каугвера в переводе В.Розова. Это была современная пьеса на производственную тему. Он сделал из этой пьесы очень интересный спектакль, где все было современно и совершенно (с моей точки зрения) – сценография, музыка, актерские работы! С какой отдачей работали Семина, Суханов, Пярн, Гнедаш, Стрёмовский, Богина, Иванова, Шинкарева, я...

Петр Наумович – это кладезь знаний, ходячая энциклопедия. Психология – это то, что он просто щелкал, как орешки. Чего только он не знал и не понимал. А как умел рассказывать, показывать, раскрывать характер персонажа одним-двумя штрихами! Мы сидели на репетициях, затаив дыхание. Он находил самые важные подробности и неповторимые детали персонажей. Фоменко так работал с актерами, что все превращалось в праздник. Мы были, вернее, он нас делал счастливыми и радостными. Когда Фоменко строил какую-нибудь мизансцену, он проигрывал ее за всех так виртуозно, что мы не могли оторвать от него глаз. И, конечно, с ним было очень легко работать, работать в удовольствие так, что и уходить из театра не хотелось. Могли работать сутками. И

словно не хватало рабочих часов, встречались вне театра, праздновали, отмечали какие-то события. Непотворимый был период. Но короткий.

Заслуженная артистка Грузии **Людмила Артемова-Мгебришвили:**

- Сегодня, спустя годы я еще больше оцениваю то, что подарила мне судьба в конце 1971 года. Это встреча с Петром Наумовичем Фоменко. Чем больше времени проходит, тем чаще я его вспоминаю, тем ярче эти воспоминания. Как правило, с годами память притупляется, ты устаешь, и многое улечивается. Но вот этот первый мой спектакль «Дорога цветов» В. Катаева запомнился навсегда! Может, потому, что он был самым первым. А может, потому что режиссером был Петр Фоменко. Да и группа была замечательная, актеры великолепные – поначалу репетировал Арчил Гомиашвили, потом – Джемал Сихарулидзе. Были заняты также замечательные артисты Даниил Славин, Тамара Васильевна Белоусова, Мария Спиридоновна Кебадзе, Лара Крылова, Юрочка Васильев. Это было так интересно! Сегодня очень хотелось бы повторить эти моменты! Репетиции были настоящим праздником. Петр Наумович показывал все и требовал повторить. Казалось бы, работать с таким гением – это так сложно. Но было – легко! Потому что он мог показать, и становилось ясно абсолютно все. Не нужно было ничего объяснять, вести долгие разговоры о работе над ролью, выявлять сверхзадачу. Фоменко выявлял и показывал один какой-то штрих – самое главное, что нужно было схватить. Будь то походка, интонация, взгляд... Ведь ко всему прочему Петр Наумович был блистательным актером. И получился такой потрясающий спектакль! Причем он сам оформлял спектакль и в качестве художника, и как автор музыкального решения. Премьеру сыграли 1 января, а 2-го театр отправился на месячные гастроли в Сочи. А мы, занятые в спектакле Фоменко, играли этот спектакль в течение месяца каждый божий день, кроме понедельника. Причем всегда с аншлагами, колоссальным успехом. Я помню, к нам тогда приехала актерская пара Волемир Грузец и Тамара Соловьева. Они посмотрели спектакль, и позднее Тамара Соловьева вспоминала: «Я тогда сказала мужу: «Волик, в какой театр мы попали!»

Художественный руководитель театра имени А.С. Грибоедова и Свободного театра, лауреат Государственной премии Грузии

Джемал Сихарулидзе в спектакле «Дорога цветов»

и премии им. К. Марджанишвили **Автандил Варсимашвили:**

- Фоменко, я думаю, так же, как и все настоящие русские интеллигенты, воспринимал Кавказ однозначно позитивно, хорошо. Знал историю, культуру Кавказа, знал, в чем ценность Кавказа и для России, и для мировой культуры. Он очень любил Грузию, очень. И он мне сам говорил много раз, что это, может быть, были одни из его самых счастливых дней – время, когда он работал в Тбилиси, в театре Грибоедова. Он поставил здесь лишь два спектакля, но он всегда вспоминал о Тбилиси, о грибоедовском театре, о его актерам. И мне передавал много поклонов. Я думаю, что он все время хотел приехать и ставить здесь спектакли. Мы с Фоменко говорили неоднократно на эту тему. Но со временем у него все никак не получалось, и, к сожалению, Петр Наумович так и не поставил больше спектаклей на грибоедовской сцене. (Цитируется по материалу Олега Кусова «Фоменко и Грузия», «Эхо Кавказа». – И.Б.).

«Тбилиси – удивительный город, – вспоминал Петр Фоменко. – Он вооружил меня другим воздухом, другим ритмом. И ходить по Тбилиси – в театр и из театра, через Куру по мосту – было здорово. Я на Кавказе мало где бывал, но город, думаю, уникальный. Он – интернациональный. Я уверен, что какой-то особый дух никогда из Тбилиси не искоренится, независимо от политики».

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ И РОДНЫЕ Р.Д.ЧХЕИДЗЕ!

В скорбные дни провода в Вечность дорогого всем нам Человека – Россия с вами! Тяжело терять истинного друга. Но печаль об этом Человеке – светла, как светел был и сам Реваз Давидович Чхеидзе. Нас связывает более 30 лет сердечной дружбы: встречи на Киностудии «Грузия-фильм», которую он вывел на мировой уровень, встречи в Москве, многочисленные телефонные разговоры и, конечно, последнее 20-летие испытаний, выпавших на долю русско-грузинских отношений, не только не ослабивших нашей дружбы, но кровно укрепивших ее. Именно в эти годы Реваз Давидович принял мое предложение стать Вице-президентом Международного кинофорума «Золотой Витязь» от Грузии. В эти годы он был удостоен высшей награды нашего кинофорума – Золотой медали имени С.Ф.Бондарчука «За выдающийся вклад в кинематограф». Он несколько раз был желанным гостем «Золотого Витязя» во многих городах России, встречавших его с неизменной любовью. Он принял участие в конкурсе сценариев «Золотого Витязя» и получил главный приз за свой сценарий «Свеча от Гроба Господня», что позволило ему обрести финансовую поддержку со стороны Госкино России и снять этот фильм и получить приз «Золотого Витязя» за готовую картину. Он приглашал меня провести мастер-класс для его

студентов в Тбилисской Кино-академии и не раз ходатайствовал за своих питомцев, чтобы я приглашал их на МКФ «Золотой Витязь». Им, гордо идущим по «Звездной дорожке», рукоплескали вдвойне – как молодому поколению любимой Грузии и как ученикам великого Чхеидзе. Реваз Давидович неизменно был рядом, когда я приезжал в Тбилиси: и на приемах у Святейшего Патриарха Илии II, и на открытии фестивалей «Эхо МФ «Золотой Витязь» в Грузии, и в щедрых застольях в нашу честь... Пока жив был большой Человек – мы радовались тому, что видим его, купаемся в излучении его не иссякающей любви. Теперь, когда он ушел в Вечность, мы начнем говорить о человеческом, творческом, педагогическом, гражданском величии Реваса Давидовича Чхеидзе. Мы вместе – Россия и Грузия, будем хранить светлую память о его светлой, любящей душе.

ПРЕЗИДЕНТ МКФ «ЗОЛОТОЙ ВИТЯЗЬ»
 ЧЛЕН ПРЕЗИДИУМА ОБЩЕСТВЕННОГО СОВЕТА
 МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ РФ
 ЧЛЕН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
 КИНЕМАТОГРАФИСТОВ РОССИИ
 НАРОДНЫЙ АРТИСТ РОССИИ

Н.П.БУРЛЯЕВ

კინძმარაული მარანი

KINDZMARAULI MARANI

KVARELI DISTRICT, VILLAGE GAVAZI, KAKHETI, GEORGIA

Tel./Fax: +995 (32) 36 18 50

Mob.: +995 (99) 54 00 18

E-mail: info@kmwine.ge ; km.wine@hotmail.com

www.kmwine.ge

ГОРОДА РОССИИ

**АСТРАХАНЬ.
СОБОР УСПЕНИЯ
ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ.
ПОСТРОЕН В 1699-1710
ГОДЫ ПОД РУКОВОДСТВОМ
КАМЕННЫХ ДЕЛ МАСТЕРА
ДОРОФЕЯ МЯКИШЕВА**

